

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣсяцъ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪВЪЗДѢЛЪНОВАЯ БИРЖА
Въ этомъ домѣ въ страдѣСостоится въ Концертномъ Домѣ
Марин Ивановны Долиной

КОНЦЕРТЪ

исполняютъ артисты
всѣхъ странъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (96)

Июнь. 2016 год.

Будьте счастливы при любой возможности

Он все знал, он пытался успеть реализовать задуманное и сказать нам самое главное. Со сцены Оперного театра прозвучали его слова: "...Будьте счастливы при любой возможности".

В 1995 году в Одессе проходил джазовый фестиваль памяти Утесова. Именно там состоялось мое знакомство с Юрием Кузнецовым. Будучи начинающим журналистом, я тогда занималась подготовкой дневника фестиваля, собравшего десятки участников. Среди них, конечно, был и Юрий Кузнецов. В коротком интервью тогда он сказал: "Джаз — это дисгармония жизни, переходящая в гармонию клавиш". Его музыка, его жизнь, его творчество — это мучительный непрекращающийся поиск гармонии. Он садился за рояль, искал, нащупывал правильные ноты и звуки, и зрители вместе с ним уходили в этот поиск, поиск себя, и затем вместе с ним окунались в такой водоворот чувств и мыслей, что даже самые сильные не всегда сдерживали эмоции. Одним из последних концертов Юры стал концерт во Всемирном клубе одесситов. И мы видели, как люди плакали. Своим талантом, своими словами и му-

зыкой он попадал в самое сердце, он вскрывал нарывы накопившейся душевной боли. И он, конечно, больше, чем музыкант. Нам еще предстоит в полной мере осознать глубину этого большого человека. Подвижника, просветителя, философа, гениального музыканта Юрия Кузнецова.

Он всегда был первый. Он рождал музыку и идеи и первым подхватывал смелые мысли других. Это удивительная способность Кузнецова позволила нам наблюдать реализацию мощных музыкальных проектов и смелых номеров, появление новых лиц и концерты мировых звезд, рождение уникальных синтетических проектов и зарождение традиций. Да, традиций. Джазовый фестиваль и open-air концерты, которые позволили окунуться в мир музыки, джаза и энергии огромному количеству людей, — это одна из визитных карточек Одессы, а его имя известно во всем мире. Его записи хранятся в лаборатории магнитной записи библиотеки Конгресса США, а он сам, никогда не говоривший о себе, скромный, открытый, простой человек, как воздух, заполнял собой все свободное пространство, и каждый, кто только знакомился

с ним, испытывал ощущение, что встретился со старым другом. Но в его сердце, в его мыслях всегда бушевал океан.

Это неиссякаемый источник энергии, свободный и сильный, с острым чувством справедливости и с прекрасным чувством юмора, живший безграничной душой, открытым сердцем и голыми нервами. Он писал музыку для кино, а с момента рождения фестиваля немого кино озвучивал старые немые фильмы. Он писал музыку для спектаклей и сам становился актером, когда выходил на сцену в спектакле "Моцарт и Сальери". Он прекрасный педагог, и он совершенно еще недоузнанный композитор. Над его музыкой начала работу одна из его учениц, Тамара Лукашова, которая незадолго до его ухода показывала ему уже написанные партитуры для оркестра. И знакомство с Кузнецовым-композитором еще только ждет нас. Хотя мы уже слышали и "Запах осени", и "Venus", и удивительную Анечку Ткач с песней на музыку Юры. Именно об этой песне Игорь Покровский сказал: "Вот слушали песню, и пока не знали, что это музыка Кузнецова, были уверены, что она народная".

Не стало Юры Кузнецова...

Мы все знали о его мучительной болезни, но каждый из нас был уверен, что он справится. Как справился уже однажды много лет назад. Последние несколько месяцев его жизнь наполнилась таким количеством событий и планов, что все знавшие его люди были потрясены; Юра всегда был полон идей, проектов, но вот эти месяцы перевернули представление о возможностях человека. Вечером он мог сыграть большой концерт, а уже на следующий день вновь лечь на очередной курс лечения, и там, в больницы палате, он не переставал разговаривать с друзьями, давал задания по подготовке нового концерта, писал жесткие критические заметки по поводу происходящего в стране в освоенном и оцененном им как уникальное средство взаимодействия с огромным количеством людей "Фейсбуке". До последней возможности он играл. И готовился к новому фестивалю. И говорил. Много, глубоко, зло и смешно, трогательно и с иронией, о жизни, о музыке, о любви...

Елена ПАВЛОВА.

Здравствуй, Леонид Менделевич!

Спасибо Вам большое за приятную и очень познавательную беседу. Рада нашему знакомству. Уверена, что буду частым гостем на мероприятиях Вашего клуба. Про Ваш замечательный проект odessa-metory.info написала своим друзьям и знакомым из других городов Украины и России. И сама буду читать обязательно.

С уважением —

Анна Мишинева.

Уважаемая Елена Олеговна!

2016-й — это год 75-летия со дня начала Великой Отечественной войны и, следовательно, Кронштадтского сражения в сентябре 1941 года.

В преддверии внезапного налета сотен фашистских самолетов на Кронштадт с целью уничтожения оборонительных заслонов Ленинграда от нападения с моря огромную роль сыграл Григорий Ильич Тельфенштейн. Он герой Великой Отечественной войны, и он герой Одессы. Я занимаюсь историей техники и нахожусь под сильным впечатлением от воспоминаний о тех трагических событиях.

Если возможно, передайте Т.И. Тельфенштейну мои поздравления и пожелания здоровья.

Пилипенко Александр Владимирович.

Добрый день, Елена Олеговна!

Очень хотели бы ознакомить с клубом участников детского международного фестиваля "Улыбаясь Дюку". Можно с Вами поговорить о проведении этой экскурсии?

Спасибо!

Алевтина Бронникова.

Счастья, здоровья, удачи вам и вашим близким! Всем — мира: в душе, в доме, в мире! Вновь рад увидеть вас всех на этих фотографиях. Решайте сами, какие из них оставить для себя, ибо на разных фотографиях глаза у некоторых из вас прикрыты от восторга.

Мы растем и взрослеем, и ввысь. Самый высокий уже не Джек, а Николай; самый молодой уже не Сама Раков, который в этом вчера признался — и нарасно, а пафень, стоящий рядом с самым веселым Эдиком.

Ну а я опустился до уровня пингвина, хотя быть у подножья роскошных дам — ощущение особенное, что легко прочитывается на моей сияющей физиономии.

Пишите, звоните, шлите.

Тарри, который Волк.

Австралия,

филиал Всемирного клуба одесситов.

Безумно интересно чувствовать пульс клуба именно у Вас, в Одессе. Это меня, да и всех остальных, а полагаю, подпитывает мощной энергией. А далее мы это понесем в "массы". С приветом и зазором —

вам Тарри Волк.

Австралия.

Леонид Менделевич, письмо получил, спасибо! За скан страницы из книги "Первые кладбища Одессы" — низжайший поклон.

Позволю небольшой комментарий к письму-рассылке.

"Сайт выполнен в стиле отзывчивого веб-дизайна": корректный термин — "адаптивный".

По сайту.

Интернет-технологии так стремительно развиваются, сегодня основную часть внимания аудитории оттягивают на себя социальные сети. Сайты сами по себе уже не так интересны, а вот посты в социальных сетях, основанные на материалах сайта, — это да, работает.

Я понимаю: и ресурсы ограничены, и единомышленников, кто профессионально разбирается, нет, но привлечь молодых людей на сайт, в плане дизайна уже устаревший, очень-очень сложно.

С уважением —

Максим Тальперин.

Уважаемый Леонид!

...Вы очень правильно сделали, и, надеюсь, потянули вас оценить по частям проекта "Они оставили след в истории Одессы". Мы гости на этой Земле. Человек уходит, за ним — его близкие и друзья. И уже никто никогда не вспомнит, что такой человек когда-то жил. А ведь многие заслуживают, чтобы о них помнили.

Спасибо вам!

По стечению обстоятельств я тоже уже лет пять собираю видео с моими знакомыми, близкими, памятливыми событиями своего города Котовск. Обработываю видеоматериалы сам и по итогам года делаю 1 — 2 DVD. Уже есть полтора десятка дисков...

Я обязательно посетю ваш клуб. Подыщу материал по тематике вашего клуба и подарю. Мой прадед где-то в 1900 — 1914 годах жил в Одессе, имел квартиру в центре, но проиграл ее в карты и переехал жить в Тольку.

Игорь Парфенчук.

Здравствуй!

Если бы была бы жива моя любимая мама, то она бы мне сказала:

— Вовочка, почему ты встал в эту очередь так поздно?

И так, шоб вы знали, мне за себя стыдно.

Мне уже 47 лет, а я еще не в клубе.

Родился я в далеком 1968-м в Одессе, на Базарной. В 97-м я переехал на новую квартиру в Танновере, в Германии. Я живу там, где в документах не пишут отчество. Работая на телевидении и делаю им их новости.

А теперь к официальной части.

Я, **Брижан Владимир**, при рождении Наумович, прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Я торжественно клянусь носить с гордостью звание члена клуба, при любой возможности прославлять Одессу и до конца дней своих быть настоящим одесситом.

Здравствуй, Леонид.

Думаю, что вы полните Мишу Марциуса — одессита из Сан-Франциско. Обращаюсь к вам с просьбой. 19 марта, в субботу, мы будем отмечать 80-летие доктора Вадила Квишана.

Я знаю, что он дружит с Валерием Хантом и Михаилом Жванецким. Он также является членом ВКО. Хочу попросить вас написать несколько поздравительных слов в адрес юбиляра, а также попросить Ханта и Жванецкого поздравить Вадила. Для вас этого труда лучше всего послать на мой адрес, и я зачитаю это на вечер. Я понимаю, что немного поздно обратился с этой просьбой, но, как говорят, хорошая мысль приходит опосля.

Михаил Марциус.

Спасибо, дорогие мои друзья! Но я уже в далеком северном краю и в ближайшие несколько месяцев, увы, не смогу посетить ваш теплый уютный дом.

Плем не менее, не забывайте меня, как и я всегда помню о вас.

С уважением и любовью —

Надежда Колышкина.

Уважаемый Леонид!

Большое спасибо за радостное письмо. Вы даже не представляете, какое это счастье — когда признают твое любимое дело. Живите долго! Шоб мы были все здоровы (извините за панибратство). У меня на очереди очерк "Борьба за идею", написанный на одном дыхании. Разрешите переслать его Вам, на Ваш суд.

С уважением —

Лара Николаевна,

Австралия.

Уважаемые господа, предлагаю вашему вниманию очерк о трёх величайших одесских скрипачах.

Формат не совсем подходит для вашей энциклопедии одесситов, но, прочитав, вы поймёте, в чём связь Миши Эльмана, Натана Мильштейна и Давида Ойстраха.

Если не нужно, подскажите, пожалуйста, кому подойдёт.

Ваш список музыкантов ограничивается советским периодом. Я же в дополнение к этой статье написал уже очерки о музыкантах до революции и уехавших от неё: о Мише Эльмане, Тиме Зайделе, Владимире Пахмане.

Моя биография — в конце очерка.

С уважением —

Григорий Курештейн.

Дорогой Леан, спасибо за связь с Юрой. Мы чудесно поговорили с ним, и он подтвердил, что мои исследования музыкальной жизни Одессы невозможны без Вашего участия.

Я приезжаю в Одессу вечером в понедельник, 25 апреля. Сегодня сняла квартиру рядом с Оперным театром.

Юра посоветовал сформулировать, что меня интересует и что я ищу:

а) меня, конечно, очень интересуют архивы и документы по еврейской культуре и музыке — есть ли специализированные еврейские архивы или отдельные коллекции в библиотеках, консерватории, где-нибудь?

б) несколько отдельных направлений — синагоги (включая хоровую синагогу), скрипичная школа Столярского (Эльман, Хейфец); Иза Кремер и история одесской поп-культуры в начале XX века (танго, джаз, культура еврейских кафе), одесское кино (я написала статью об Утесове и "Веселых ребятах");

с) какова музыкальная жизнь в еврейском обществе Одессы сегодня?

д) я презентовала несколько научных работ об еврейской Одессе, если кого-нибудь заинтересует, я буду счастлива поделиться.

Любая помощь, совет, связь с музыкантами, библиотекарями очень важны. Я была в Одессе, наверное, тридцать лет назад, но никого из моих знакомых с тех времен в Одессе не осталось.

Поэтому я очень жду встречи с Вами и надеюсь познакомиться с Вашей женой Натасей (от Юры большой привет).

Простите за редкое для меня длинное послание и, пожалуйста, ответьте.

Всего наилучшего.

Ирина Народницкая.

США, Чикаго.

Inna Naroditskaya

Professor, Ethnomusicology

Bienen School of Music

Northwestern University.

Спасибо за статью о Диме Романове. Семья, как всегда, трогательна и точна.

Добавлю список людей к вашей фотобанке: Аркадий Рыбак, Дима, Валерий Козак, Аркадий Ролл, Николай Демин.

Сидят Володя Ушаков, Юрий Таврилов, мы с Семёном.

На нижнем фото вы не опознали Марию Швыдкую.

Всего доброго!

Виктор Ломак.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Самый одесский из одесских

Со школьных лет мы знаем, что на Дальнем-предальнем от нас Востоке есть КУРИЛЬСКИЕ острова. Но самый обжитой, интересный и самобытный КУРИЛЬСКИЙ остров находится здесь, в Берлине. И этот остров — Берлинский клуб одесситов.

Вы спросите, почему КЛУБ — это ОСТРОВ. А как же иначе! Ведь любой эмигрантский, земляческий клуб — это остров своего языка, своих традиций, своей культуры, своей ментальности в океане чужого языка, чужих традиций, чужой культуры и чужой ментальности.

А почему КУРИЛЬСКИЙ?

Да потому что Берлинский клуб одесситов носит имя своего первого президента — Юрия Курильского, который был, как вспоминают о нем одесситы, "Душой, Сердцем и Мозгом" клуба. К сожалению, одиннадцать лет назад Юрий Курильский ушел из жизни. Его нелегкую ношу звалили на себя Михаил Мисожики. Здесь снова может возникнуть вопрос: почему нелегкую? Сами подумайте, легко ли руководить одесситами, когда каждый одессит по каждому вопросу имеет свое

мнение и в любой ситуации дает свои советы.

Когда 15 лет назад, 10 апреля 2001 года, в День освобождения Одессы, Юрий Курильский, следуя лозунгу ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ: "Одесситы всех стран, соединяйтесь!", — создал этот клуб, он был единственным клубом земляков в Берлине. Единственным, но не неповторимым. Позже по его примеру появились его младшие братья — клубы "Москва", "Ленинград", "Киев", "Баку".

Но между этими клубами и клубом одесситов, как говорят одесситы, две большие разницы.

Кстати, знаете, почему закрыли московскую телепередачу "Большая разница", заменив ее программой "Точь-в-точь"? Не знаете. А все потому, что ее ведущие Цекало и Ургант — не одесситы и не смогли ответить на вопрос, в чем отличие "Большой разницы" по-московски от "Двух больших разниц" по-одесски.

Так в чем конкретно отличие одесского клуба от его берлинских собратьев?

Отличие, как водится, в семье.

А семейка у юбиляра — дай Б-г каждому. У его прародителя — Всемирного клуба одесситов — сыновей больше, чем у лейтенанта Шмидта. Что там у них с конвенцией, не знаю, но освоили они географию всего земного шара. Клуб одесситов есть даже на каком-то крошечном экзотическом острове, правда, в составе всего одного члена.

Но Берлинский клуб одесситов не затерялся среди этих многочисленных "детей лейтенанта Шмидта".

Начать с того, что президенты одесского Всемирного клуба одесситов и берлинского клуба — тезки. Они носят одно имя — МИХАИЛ, что на древнееврейском означает "равный Б-гу". Уже одного этого достаточно, чтобы выделить БКО из компании ему подобных.

Если этого аргумента недостаточно, приведу второй. В каком месте собираются одесский и прочие клубы? Правильно, в МИФГАСЕ. А как переводится с иврита МИФГАС? ВСТРЕЧА. А почему выбрано такое название? Потому что МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ. А где снимался легендар-

ный фильм с таким названием? Правильно, на Одесской киностудии.

Можно привести еще не один аргумент, но, я думаю, сказано достаточно. Правда, пришлось слышать и такое мнение, что одесситам, чтобы подчеркнуть свое первородство, следовало бы для места сборов выбрать какое-нибудь чисто одесское название, например, Дом Мишки Япончика, или Дом Соньки Золотой ручки, или — совсем уж в крайнем случае — ДОМ ШНЕЕРЗОНА, в котором светло, и шумно, и "тит а хойшех". Но зачем? Ведь у одесситов и так всегда светло, шумно, весело и гостеприимно.

Так пусть же остаются они всегда такими!

И, как сказал, поднимая бокал на открытии Всемирного клуба одесситов, его президент Михаил Жванецкий: "Чтобы мы гуляли на именинах, а наши враги — на костылях!"

А лучше скажем своими словами: "Мазлтов, бояре, и шоб вы таки были нам здоровы!"

От имени всех хаверим БКО —

Елена КОЛТУНОВА,

Берлин.

Евгения ТЫЧИННИНА

Открытие музея Остапа Бендера

Итак, грядет радостное событие. 18 мая 2016 года, в Международный день музеев, уже в третий (счастливы!) раз открывается музей Остапа Бендера по адресу: пр. Тореза, д. 104. В помещении на первом этаже, где раньше был небольшой магазинчик, разместится экспозиция, посвященная романам И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок».

Оговоримся сразу: это народный музей, созданный страстным почитателем Великого Комбинатора при поддержке таких же увлеченных людей. Вход в музей для социально незащищенных граждан бесплатный. Мы рекомендуем перед посещением музея созвониться с его отцом-основателем Анатолием Васильевичем Котовым по тел. 917-37-06.

Сотрудник института электроизмерительных приборов и института информатики РАН, ныне — пенсионер, в душе — филолог, мечтатель и оптимист, он посвятил свою жизнь в том числе и изучению творчества Ильфа и Петрова. За организацию музея О. Бендера Анатолий Васильевич награжден в 2000 году дипломом и статуэткой «Золотой Остап» питерского юмористического фестиваля. Предоставим ему слово.

— «Войдём, — печально сказал Остап, — там, по крайней мере, прохладно. И потом, посещение музея входит в программу путешествующих врачей-общественников!» Эта фраза из «Золотого теленка» позвала меня на путь создания литературного музея. И я уверен: «12 стульев» и «Золотой теленок» — всенародно любимые книги, которые способны менять жизнь к лучшему. Вот мою — они изменили точно!

Первый раз я прочитал диологию в 12 лет, перепечатал в 20 лет, и в дальнейшем эти книги стали у меня настольными. Цитаты, звучавшие порой как пароль, помогали мне мгновенно находить друзей среди тех, кто неравнодушен к прозе Ильфа и Петрова. Так продолжалось до 1995 года. И вот в июле на ул. Большой Посадской, д. 9/5, в крошечном помещении площадью 8 кв. м, примыкающем одной стенкой к моему гаражу (там дворники хранили сломанный инвентарь), разместилась первая экспозиция, посвященная литературным героям И. Ильфа и Е. Петрова. И —

ошеломляющий успех! Неиссякаемый поток посетителей, теплые слова одобрения, оставленные в музейном «Альбоме впечатлений», повышенный интерес СМИ...

Незнакомые люди стали мне бескорыстно помогать: приносить так много, что они заполнили всё восьмиметровое пространство. К счастью, мне предложили перевезти экспозицию в Сестрорецк, где музей существовал 7 лет.

И вот, наконец, третий наш адрес: проспект Тореза, д. 104.

— Анатолий Васильевич, но всё же: что конкретно увидят посетители в музее Остапа Бендера?

— Одна часть экспозиции посвящена роману «Двенадцать стульев», другая — роману «Золотой теленок». На стене будут висеть рога из конторы «Рога и копыта», на рогах прижаты шарф и фуражка Остапа Бендера. Можно будет увидеть раритетные издания книг Ильфа и Петрова, газетные статьи о них и иллюстрации к романам, свидетельство о присвоении звезде 3668 имени Ильфетров (впрочем, астероиду 7113 присвоено имя Ostapbender; он был открыт астрономом Л. Карачкиной из Крымской астрофизической обсерватории 29 сентября 1986 года), а также пенсне Ипполита Матвеевича, ситечко Элочки Щукиной и так далее. В музее — более 300 экспонатов.

Экспозиция знакомит посетителей с историей создания книг и прообразом Остапа Бендера. Впервые о том, что литературный герой был списан с конкретного человека, одессита, рассказал Валентин Катаев (брат Евгения Петрова) в книге «Алмазный мой венец». Через 19 лет после выхода этой книги, в апреле 1997 года, газета «Комсомольская правда» назвала заветное имя — Осип Беняминович Шор, а в октябре того же года газета «Аргументы и факты» опубликовала письмо сводной сестры Шора, девятилетней художницы Эльзы Давыдовны Раппопорт, примерно с такими словами: «Я одна из тех, последних, кто знает и помнит о том, что многими нами любимый персонаж Остап Бендер списан с моего брата Осипа Беняминовича Шора. Мы, домашние, и его друзья звали его Остапом...».

В Центральном государственном историческом архиве (Псковская ул., д. 18) удалось найти документы Осипа Шора и его фотографии.

Осип Беняминович родился «тысяча восемьсот девяносто девятого года мая 30-го дня». В заявлении, поданном Осипом 13 июня 1917 года на имя директора Петроградского технологического института императора Николая I, указано, что он окончил восемь классов Одесской частной мужской гимназии И.Р. Раппопорта и жил в Одессе, на улице Полтавской Победы, в д. 78, кв. 26. Но революционные события помешали Осипу Шору получить высшее образование. Он был вынужден вернуться из Петрограда в родной город. Возвращение длилось более 10 месяцев и стало темой ярких и остроумных рассказов неунывающего путешественника. Среди восторженных и благодарных его слушателей были Валентин Катаев и Илья Ильф.

И вот что интересно: среди литературных героев по популярности Остапу Бендеру нет равных. Однако, по признанию авторов, «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура. Для него у нас была одна фраза: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер постепенно стал выпирать из приготовленных для него рамок, приобретая всё большее значение. Скоро мы уже не могли с ним сладить. Он стал пролезать почти в каждую главу».

— А что вы можете рассказать о памятнике Остапу Бендеру, установленном в нашем городе, на Итальянской улице?

— Это как раз и есть свидетельство популярности Остапа Бендера и всенародной любви к нему. В настоящее время в разных городах Великому Комбинатору установлено около 30 памятников, фотографии которых представлены в музее. В Санкт-Петербурге «контактный» памятник товарищу Бендеру по проекту Альберта Серафимовича Чаркина был установлен в 2000 году. Бендер опирается о спинку гамбсовского стула, на который вы можете присесть и сфотографироваться. И хотя при создании проекта я передал скульптору фотографии О.Б. Шора, мои друзья узнают в лице Великого Комбинатора мои черты. Подтверждает это сходство и сам Аль-

берт Серафимович. Он даже подарил мне эскиз проекта монумента.

Место установки памятника (ул. Итальянская, д. 4) примечательно тем, что рядом находилось небезызвестное знаменитое «Золотого теленка» «Первое общество взаимного кредита», а по адресу: Итальянская улица, д. 17 — проживал мастер Гамбс, в стульях работы которого были спрятаны сокровища.

Надо сказать, что И. Ильф и Е. Петров обожали наш город. В диологии можно найти явные и скрытые упоминания о Ленинграде. Например: «Грудь Ипполита Матвеевича выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде». По крайней мере, я нашел 28 таких моментов. Об этом, а также о других моих литературных открытиях я написал в книге «Бендер — невольный франт», изданной в 2010 году. Теперь эта книга — эксклюзив, её можно приобрести только в музее.

Должен признаться: об Ильфе и Петрове и их литературных героях я могу говорить бесконечно, а потому приглашаю всех желающих в музей Остапа Бендера на экскурсию. Вы сможете попилить «золотую» гирю, взять на память «ключ от квартиры, где деньги лежат». И не забудьте захватить с собой фотоаппарат, чтобы сфотографироваться на фоне экспоната, который вам больше всего понравится!

Сергей КАЛМЫКОВ

Разорвать оковы горизонта

Не помню, откуда эти слова, но они напрямую касаются Георгия Гергая, нашего незамысловатого Жоры, которому, как ни странно, исполнилось 75. И вот что меня удивило: я близко знаю юбиляра более полувека, а беседа с ним по этому случаю два с лишним часа, многое уточнил, выяснил и даже узнал впервые.

Настолько разнообразна, даже разноцветна его жизнь.

Настолько широк круг интересов.

Настолько богат и щедр его характер, в котором счастливо соединились серьезность, бескомпромиссность и чувство ответственности, полученные от отца, с душевностью, отзывчивостью и мягкостью, унаследованные от мамы.

Жора Гергая, как прирожденный талантливый организатор, много сделал для станов-

ления и успехов одесского спортивного туризма, и особенно — для спортивного ориентирования, был председателем и Клуба туристов, и Одесской федерации спортивного ориентирования. Востребован и сейчас. Но жизнь складывалась достаточно сложно.

Он родился за несколько недель до войны. Ближайшие предки обладали грузинскими, русскими, греческими и немецкими корнями, следовательно, мальчуган получил великолепный до неправдоподобности набор генов. Но его раннее детство было окрашено невзгодами и лишениями эвакуации. В тех условиях главной целью и почти непосильной задачей было выживание.

Слава Богу, удалось уцелеть и вернуться в Одессу.

Здесь Жора шесть лет учится в музыкаль-

ной школе, но со временем увидит свое будущее в продолжении отцовской карьеры. Поэтому после школы он выбирает «водный» институт (ОИИМФ). Однако мог ли разносторонне одаренный парень тесниться в рамках учебного процесса? Он — постоянный посетитель художественных выставок, концертов в филармонии: любовь к живописи и музыке его никогда не оставит; он продолжает много читать — определяются его пристрастия к истории, к поэзии, к прозаикам-романтикам, среди которых лидируют Джозеф Конрад и Александр Грин. Его любимый фотоаппарат тоже не лежит без дела.

В те времена водники славились лучшей в городе самодеятельностью — достаточно вспомнить легендарный студенческий театр «Парнас-2», где блистали Жванецкий, Ильченко и Карцев. Жора стал участвовать в студенческих шоу и спектаклях. Его Омнимор, заика-бес из пьесы «Чертова мельница», вызывал в зале хохот буквально до икоты. Тогда же в спектаклях проявилась и была востребована его неожиданная способность к имитации голосов животных.

Новая глава жизни началась в далекой Советской Гавани. Туда молодой механик по ремонту судовых механизмов получил назначение на работу. Понятно, что трудиться на заводе — это снова лишь часть жизни, ограниченная определенными рамками, неким горизонтом, которые Жора всегда стремился преодолеть, и вот он участвует в создании и деятельности музыкального клуба «Прелюд». Заводское руководство оплачивает покупку аппаратуры и комплектование фонотеки — для начальства сама идея творческого досуга похвальна и престижна. Интересные встречи с рассказами о музыкантах и звучащей музыкой привлекают десятки людей.

Он открывает для себя водный, лыжный и пешеходный туризм по таежному краю, где кровососущая мошкара лютей медведей. Наконец, его главной привязанностью становится спортивное ориентирование, Жора обучается на семинарах, овладевает навыками судейства. Снова фотографирует.

Дальневосточная «закваска» помогла Жоре

Гергая найти себя и по возвращении в Одессу. Он успешно и по-новаторски трудится в Черноморском ЦПКБ, ЮжНИИМФе, морской академии, но работа работой, а характер требует простора. Туристские слеты, конкурсы, фестивали самодеятельной песни. Он снова окружен единомышленниками.

А еще — фотоклуб «Одесса».

А еще — участие в выступлениях нашей прославленной команды КВН.

А еще — любимое спортивное ориентирование, плюс краеведческое, где неразделимы спорт и знание Одессы с ее историей и архитектурой.

Я еще не упомянул, что юбиляр — убежденный патриот нашего города и нашей страны. Причем есть, с чем сравнивать: он бывал в Китае и Нидерландах, на Кубе и в Мальте, в Панаме и Никарагуа, в Арабских Эмиратах и Малайзии, Египте и Йемене, Италии и Франции...

А еще поэзия — дальние и серьезные туристические походы, связанные с Карпатами и Тянь-Шанем, Полярным Уралом и Камчаткой, Кавказом и зимней Карелией.

Единомышленники и друзья кроме Украины живут в Израиле, Канаде, России, США, Грузии, Германии. Какие черточки характеров располагали сближению с этими людьми? По мнению Жоры — неназойливые, но ценные авантюрные наклонности.

Гордится дочерью, в которой с радостью видит продолжение себя, и, конечно, внуками. На вопрос, какие он хотел бы назвать особые счастливые события или времена, чуть улыбнулся и пожал плечами. Это сложно.

Есть и свое Несбывшееся, но у кого его нет?

Года три назад Гергая стал участвовать в выставках художественной фотографии и вскоре был принят в Союз фотохудожников Украины, а в этом апреле состоялась его успешная персональная экспозиция в Доме с ангелом. Жанровых предпочтений пока не демонстрирует, но, думаю, и в этом мастерстве готов достигнуть предела, а то и преодолеть его.

В добрый путь, наш дорогой Жора, Георгий Викторович, интересная жизнь продолжается!

Фото автора.

Константин ИЛЬНИЦКИЙ Одесса начиналась в порту

К 20-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА "ПОРТЫ УКРАИНЫ"

Заголовки

Гляньте на заголовки в первых номерах журнала 1996 года: "Выживаем вопреки инициативам сверху", "Тупики Черноморского пароходства", "Устаревшее законодательство и речной транспорт", "Сборы или побои?", "Где вы, инвесторы?", "Трудные времена для судовладельцев", "Ведомственные барьеры на пути грузопотоков", "Как вернуть уходящий транзит?".

Двадцать лет прошло, а ничуть не устарели! Просто — на века! Бессмертная проблематика. Высекать в камне!

Что важнее

Я до сих пор не знаю, читал ли когда-нибудь светлой памяти Николай Славов, легендарный человек, основатель и многие годы президент АСК "Укрречфлот", тексты в журнале "Порты Украины". Не знаю. Но вот то, как он журнал изучал, я наблюдал не раз.

Год 1997-й. Захожу в Киеве к Николаю Антоновичу в огромный кабинет на втором этаже здания "Укрречфлота" со свежим номером, где опубликована его статья. Для меня это повод узнать новости компании, так сказать, из первых рук.

— Ну-ка, ну-ка, — Славов отыскивает свою статью и разглядывает собственную фотографию. — Еще ничего выгляжу. Только вы ее уже второй раз публикуете, пусть дадут посвежее.

Далее рассматривает обложки.

— А мы рекламу даем?

— Редко.

— Что ж ты хочешь, знаешь, как цены на топливо растут. Но дадим... ты напомни... попозже.

Начинается перелистывание журнала с разглядыванием фотографии.

— Это кто? Новый начальник порта. А он откуда пришел?

— Там в новостях есть его биография.

Славов находит, вслух читает биографию.

— Ясно, а кто его продвинул? Вы, журналюги, все знаете. Думаешь, сам министр? Они по старой работе пересекались? Может быть... Листает дальше.

— Опять Володя. Он снова в замы хочет? Нет? Он же ваш, одесит, что в Одессе говорят? Этого не знаю. А кого еще назначили? Позавчера в ЧМП? Кто такой? Диордиев? Как зовут? Давай позвоним.

Николай Антонович набирает телефонный номер:

— Александр Петрович, это Славов приветствует. Поздравляю с назначением. Много у вас там еще пароходов осталось? Это я шучу. Поздравляю. Будете в Киеве, не обижайте старика, загляните, поболтаем. И рюмочка найдется.

Опять неторопливо листается журнал. Пользуясь случаем, пытаюсь спросить Славова о планах обновления флота.

— Ты не волнуйся, обновляем. Мы тебе напишем. Лучше скажи, кого на нынешнюю вакансию в министерство сватают? Ну, про этих — вряд ли. Не, я лучше знаю.

— Николай Антонович, а как с ремонтом судна, что попало в аварию?

— Да бог с ним, это все железо. Ты что, думаешь, я с железом работаю... или с деньгами? Нет, я работаю с людьми. Люди — поважнее будут.

Краны Виктора Терехова

Виктор Терехов впервые появился в редакции журнала "Порты Украины" году в 1997-м, когда мы ютились в одной комнате в здании "ЧерноморНИИпроекта" в Одессе. Несмотря на то, что он (тогда менеджер по продажам австрийского завода "Либхерр Верк Ненцинг") приехал со сладостным для уха редактора предложением начать в журнале рекламную кампанию мобильных кранов, уделить ему должное внимание мы не могли. Был день сдачи номера с естественной для такого дня штурмовщиной.

Но Терехов после короткого разговора не ушел, продолжал сидеть в уголке, наблюдая за бегом и пререканиями сотрудников редакции. Пил чай, кофе. Нам потребовалось срочно отослать факс. Ближайший доступный факсовый аппарат был у меня дома, и я спросил, если Терехов с автомобилем и никуда не спешит, не сгоняет ли он ко мне домой, чтобы факсануть. Он сгонял. Опять сидел, пил чай.

На вопрос, почему он столько времени потратил в редакции, который я задал ему уже вечером в ресторане, куда он пригласил весь коллектив, Виктор сказал: "Ваша беготня напомнила мне студенческую жизнь, какое это было счастье".

В этот же вечер в ресторане я ему заявил, что либхерровские "мобильники" он в украинских портах не продаст. Больно дорогие игрушки. Здесь уместно напомнить, что в 1996 году как раз наблюдалось пиковое падение грузооборота в морских торговых портах — до 54 млн. тонн.

— А спорим, что продам, — сказал Виктор, — года через два — три. "Мобильники" — это будущее для портов. А для этого давайте развернем в журнале дискуссию: хороши или нет мобильные краны для украинских портов. Причем я согласен платить и за хвальные статьи о мобильных кранах, и за ругательные. Главное — "раскачать" сознание людей.

Дискуссию мы развернули. И спор я проиграл. Уже в октябре 1999-го первый мобильный кран "Либхерр" грузоподъемностью 40 тонн приобрел Одесский порт. За ним последовал Южный. И сегодня уже в портах Украины работает немалое семейство мобильных кранов компании "Либхерр". И в этом огромная заслуга Виктора Семеновича Терехова, умного, обаятельного человека, которого уже нет среди нас.

Но он показал нам важность, значение рекламы для работы на рынке портовых услуг и придал уверенность коллективу.

В черноморском масштабе

В знаменитой сцене из фильма "Чапаев" на вопрос о способности командовать во "всемирном масштабе" Василий Иванович скромно ответил, что не смог бы — языков не знает.

А в редакции "Портов" в 2002 году задумались о черноморском масштабе. Смогли бы издавать журнал обо всем водном транспорте стран Черноморья? Смогли. И четыре года в качестве приложения к "Портам" издавали на двух языках (русском и английском) международный ежеквартальный журнал "BlackSeaTrans" ("BST"). Редактировала его Валентина Михайлова.

Одни начальники

Лет десять назад кто-то из знакомых обратил внимание на то, что в небольшой (12 человек) редакции "Портов Украины" работает масса бывших начальников. Первый зам Анна Сон ранее была главным редактором газеты "Украинские бизнес-новости". Другой зам Валентина Михайлова одно время руководила газетой "Слово". Еще один зам Анатолий Гордиенко раньше работал редактором газеты "Антарктика". Зам по рекламе Александр Мусти девять лет ходил в море редактором судовых газет в ЧМП. Редактор приложения к "Портам", журнала "BlackSeaLines", Наталья Рыженкова была прежде директором крупной экспедиторской компании.

— У вас тут одни начальники, — удивлялась устроившаяся на работу в редакцию Наталья Кириленко. Но вскоре ушла на ТВ — директором телекомпании.

Гнев министра

Учитывая неформальный отраслевой статус журнала, редакция всегда была осторожной в критике новаций транспортного министерства. Но это не всегда спасало от начальственного гнева.

В начале 2003 года я опубликовал статью "Близнецы ли "братья"?", где анализировались процессы централизации управления морскими портами, которые начались тогда и в Украине, и в России и привели практически одновременно к появлению "Укрморпорта" и "Росморпорта".

Статья разгневала министра транспорта Георгия Кирпу, которому не понравилось, что кто-то публично обсуждает принятые им решения. Меня пригласил в Киев тогдашний гендиректор "Укрморпорта" Андрей Манучаров и сказал, что министр бросил ему журнал со статьей и велел разобраться с "писаками".

— И как вы будете разбираться?

Андрей Иванович объяснил, что он наш постоянный читатель, к тому же предвзвешенно посоветовался с коллегами, и теперь нужно подумать, как нас... спасти.

Ничего большего, чем "погодить" ближайшее время и "по возможности не высовывать", мы не придумали. Но репрессии не последовали. У министра и без нас забот хватало.

"Невероятно, но у ЧМП хорошие новости"

Это заголовок редкой для "Портов Украины" статьи, которая сообщала хоть что-то

положительное о жизни Черноморского пароходства.

Речь об удивительном событии 2006 года, когда президент ЧМП Евгений Кожевин рассказал на пресс-конференции, что почти случайно были обнаружены в архивах бухгалтерии следы денег ЧМП, застрявших в одном из немецких банков еще с 1992 года. 2 млн. долларов!!! Несколько месяцев судебного разбирательства завершились успешно, и на счет пароходства они были переведены.

Воистину, велика и обильна ты, империя ЧМП, если после стольких лет растаскивания можно еще случайно найти миллионы в твоих архивах! Во всех ли ящиках посмотрели?

"Золотая тонна"

— Не хочешь стать "бизнесменом года"? Смотри, всего за 10 тысяч гривен, — протянул мне гендиректор ассоциации "Укрпорт" Виктор Борисенко очередное письмо с "наградой на выбор".

Такой награды я не хотел. И вообще — как можно купить награду?! Это как диагноз и государство, и обществу, свидетельствующий о тяжелой "коррупционной" болезни.

Награду надо заслужить, и вручать ее надо за бесспорные, объективные показатели. Так в разговоре с Борисенко появилась идея памятного знака "Золотая тонна", которым следует отмечать порты, добившиеся рекордных в своей истории грузооборотов. Памятный знак был учрежден редакцией журнала и ассоциацией "Укрпорт" в 2003 году.

Морская отрасль

Много лет назад руководитель одного из итальянских морских агентств, посетивший Одессу, спросил:

— Сколько раз в месяц у вас собирается морская общественность (maritime community)?

Как-то неудобно было признаться, что несколько. То есть не каждый месяц, да и что такое эта maritime community?

В советские времена моряки, портовики, судоремонтники твердо знали, что работают в одной системе, возглавляемой Минморфлота СССР. Лечились в ведомственных поликлиниках, отмечали отраслевые праздники, посещали отраслевые совещания, конференции... Они постоянно ощущали, что это их морская отрасль.

С развалом Союза растаял и этот устоявшийся стереотип восприятия. Минтранс (Минтранссвязи, Мининфраструктуры), объединяющий весьма разнородные сферы транспорта и связи, не стал для водников "родным домом". А ликвидация в 2011 году Укрморречфлота, который в различных формах с 1993 года был органом госуправления морским и речным транспортом страны, и вовсе их "осиротила".

Мы же в редакции всегда чувствовали, что морякам, портовикам, водникам в новых и непростых условиях полудикого капитализма не хватает того, что можно было бы называть корпоративным духом. И на своих летучках многократно обсуждали, что такое можно придумать, чтобы хоть чуть-чуть объединить отрасль.

Так родился календарь "Водный транспорт в лицах и датах", благодаря которому не забывают поздравить друг друга с днем рождения многие наши руководители, специалисты.

Так родился Черноморский контейнерный саммит, который в нынешнем году в десятый раз будет встречать своих гостей.

Так родился Национальный морской рейтинг Украины, церемония подведения итогов которого превратилась в отраслевой праздник.

Так уже совсем недавно — в 2015 году — появилась международная конференция "Зерновые терминалы: новые проекты, оборудование и технологии" и родилась Ассоциация морских журналистов.

Если учесть мероприятия, которые проводят и наши партнеры "Укрпорт", Международная юридическая служба, Центр выставочных технологий и другие, то возможностей для сбора maritime community сегодня становится гораздо больше.

Маша и Павлюк

Герой Украины, почетный президент Одесского порта Николай Павлюк не знает, что в редакции журнала у него есть ярая поклонница — зав. конференционным отделом Мария Косяк.

Как-то я взял интервью у Николая Панте-

леймоновича, и поскольку материал нужно было срочно подготовить для печати, попросил Машеньку помочь с расшифровкой. Она надела наушники, подключенные к диктофону, села за компьютер и бойко застучала по клавиатуре. Через полминуты, не переставая стучать, Машенька ойкнула, потом еще и еще раз.

— Наушники током бьют? — спросил я.

— Нет, просто очень интересно, не мешайте, — отрезала Мария.

Как потом оказалось, ей страшно понравилось, как Павлюк использовал в своей речи те "теплые" слова, которые были привычны для него при общении в кругу знакомых людей. А Машенька с тех пор регулярно напоминала, что любое следующее интервью с Павлюком расшифровывать должна только она.

Связи

Из года в год журнал обрстал полезными связями. Это чрезвычайно облегчало работу, поскольку мы всегда знали, где, у кого можно получить информацию, а главное — нам редко отказывали. В крайнем случае — оговаривалось, что это "не для печати".

С другой стороны, на наших глазах в отрасли подрастали кадры — наши читатели, герои и авторы статей. Казалось, совсем недавно начальник отдела внешних связей порта Южный Валентин Касапчук помогал нам с данными для справочника "Всё о портах Украины", а вот он уже гендиректор "Укрморпорта", а вот — замминистра, после перерыва — еще раз замминистра. Еще недавно Владимир Работнёв возглавлял отдел в Укрморречфлоте, а вот он уже первый замминистра. До замминистровских должностей доросли "на наших глазах" моряки Сергей Симоненко, Игорь Урбанский, искусно "рулил" во властных кабинетах Владимир Северюков, делал парламентскую карьеру Юрий Крук. И так далее.

Вполне анекдотическим выглядит случай, когда в узком кругу "за рюмкой" новое руководство очередного Укрморречфлота обсуждало вопрос, как снять с работы главного редактора "Портов Украины". В тот же вечер два человека из четырех присутствовавших на посиделках позвонили мне, чтобы предупредить о возможных неприятностях

Забор

В 2008 году вице-губернатор Одесской области, давний друг нашего журнала Пётр Хлыцов пригласил меня поехать вместе в Усть-Дунайский порт.

— Совсем там плохи дела, надо разобраться на месте.

Уже мало кто помнит, что в рекордном 1990 году грузооборот порта составил почти 7,5 млн. тонн. В 2004 году грузооборот еще был на уровне 1 млн. тонн, но затем рухнул до 109 тыс. тонн за 9 месяцев 2008 года. Понятно, что судьба порта вызвала беспокойство у областного начальства.

Усть-Дунайский порт был построен как перевалочная база Дунайской лихтеровозной системы, а после развала в 1990-х этой системы вел в основном перевалку грузов плавкранами с речного тоннажа на морской и наоборот в своей акватории, расположенной в Жебриянской бухте. Грузовыми причальными сооружениями в бухте порт не располагал (причалы имелись в портопункте "Килия" на Дунае), а на острове Шабаш размещались разнообразные служебные постройки.

Как объяснил тогдашний начальник порта Константин Галкин, основная причина всех бед — катастрофическое уменьшение глубин на канале и в акватории, сделавшее невозможным прием морских судов. И отсутствие средств для дноуглубительных работ. В результате — рост долгов. За долги были проданы 69 единиц техники, половина здания управления порта в Вилково, база отдыха, почти все имущество непосредственно у Жебриянской бухты.

— Продали по дешевке, — жаловался Галкин. — Мы боремся в судах, чтобы произвести переоценку этого имущества.

— Послушайте, вы руководитель государственного порта? — спросил Хлыцов.

— Да, — согласился Галкин.

— Так что же у вас тут государственное осталось? — Хлыцов взмахом руки охватил всю панораму острова Шабаш со зданием административно-хозяйственного корпуса, столовой, гостиницей, служебными помещениями...

Галкин проследил за полётом начальственной руки и ответил с пронзительной честностью:

— Забор.

Владимир ТАЙХ

Уроки Софьи Гасско

Сколько раз ею я был унижен и раздавлен. И сколько раз она была причиной того изумительного настроения, того счастья, что может испытать только подросток. Что быстро проходит, но не может забыться.

По её предмету я писал с ошибками. И были бы ошибки хоть стоящими, так нет — пропуски букв, а то "в" вместо "б" или "к" вместо "ж" и ещё более дурацкие, но были и настоящие, добротные. К домашним заданиям я подходил творчески, делал быстро и бездарно. И была у меня насчёт школьного изучения русского языка собственная вполне научная, главное — удобная, теория. На кой чёрт нужно корпеть над каждой буквой, соблюдая правила (грамматика, пунктуация)? Ведь главное, чтобы был понятен смысл. Ошибки — повод для придирок учителей и основание для их существования (с соответствующей зарплатой). Всё это я высказал Софье Яковлевне после трагического (для всей моей жизни) инцидента.

Я, как обычно, не знал урока, а тут: "К доске!" Отвечаю: "МНЕ болит голова". Поверьте, так говорили тогда все вокруг — дома, в школе, вообще в Одессе. Да и сейчас говорят многие. И случилось! Этого не передать словами. Того, как она на меня посмотрела. Она, аристократка, с печалью и безглаголивостью на лице спокойно, с акцентом на "меня" сказала: "У МЕНЯ болит голова. Садись".

Уверен, что на следующий день она уже не помнила об этом, а я — мне уже за 70 — не могу забыть её лицо в те три секунды. Память на протяжении жизни не раз возвращала эти кадры, а чувство стыда и унижения перешло в чувство благодарности, даже обожания.

В тот день до конца урока я копил в себе, разжигал, питал мстительное раздражение, я формулировал свою обиду, готовил страшную месть. На перемене я пристал и пошёл с нею до учительской, высказывая всё, что думал о преподавателях русского языка и о ненужности этого предмета. Она шла, слушала, не улыбалась. Перед дверью учительской:

— Хочешь поспорить? Давай. Через неделю-две. На уроке. Только я буду говорить то, что ты сейчас наговорил, а ты — опровергать. Договорились?

Я послушно согласился, отметив, однако: "О, хитра!" К этому разговору больше, естественно, не возвращались.

В то время она (по нашим понятиям) была немолода, полновата, с учительской причёской — зачёсанными назад волосами, не красива в понятии общепринятом. Но были в ней неистребимый аристократизм и принимаемое нами как должное нечто возвышенное. И ум в выразительных и красивых глазах.

Вот она начинала читать что-нибудь из "школьной" поэзии. "Горе от ума", "Онегина", стихи из программы. Сначала просто, даже невыразительно. Но проходила минута, другая — и чтение её приобретало металл и ритм, её произношение становилось изысканным. После занятий я хватал книгу и пытался читать, "как Софа". Так я в восторге проглотил "Горе от ума", Пушкина, "На смерть поэта", современных. Так я стараюсь читать стихи и сейчас.

Как-то после ответа у доски спросила:

- Есть любимый поэт?
- Маяковский (в классе в разных местах хихикали).

- Что из Маяковского ты любишь?
- "Облако в штанах" и вообще всё.
- Можешь прочесть что-нибудь?

Я начал читать "Домой", со второй строки понял свою оплошность, но деваться было некуда. Я смутился, промямлил "а Маркиту, толечко морните, за сто франков препроводят в кабинет". Опять смешки. Товарищи по классу Лерман и Дивинский тут же "показывают" меня. В лицах. Дурацкую улыбку, не уступающие ей дёргания рук и подмигивания. Было смешно, но до слёз обидно — опозориться перед Софией. Она поняла и разрядила ситуацию:

— А ты знаешь, в этом стихотворении была другая концовка. "Я хочу быть понятой своей страной..."

Я знал эти строки, но не предполагал, что они из этого стихотворения. Для меня — открытие. Постеснялся спросить, в каком месте они стояли. И до сих пор, дурак, точно не знаю.

Со временем в моих сочинениях стали появляться её резюмы: "Хорошо", "Очень хорошо" "Молодец", "Написал выразительно и кратко". Оценки: 2, редко — 3, за ошибки. До сих пор храню сочинение "Весь Маяковский" в трёх толстых школьных тетрадах с её автографом "Содержание изумительное, но... ошибки — 2, Гасско".

Ещё прошло время, стал писать грамотней, на четвёрки, затем стали случаться и пятёрки, в аттестате — 4 (язык) и 5 (литература). Стопроцентная заслуга Софьи Яковлевны. А до этого, хотя мне казалось, что с нею у меня какое-то взаимопонимание, она не пропускала случая обрушить на меня ушат с холодным своим сарказмом. Смертельные мои обиды "ах так, ну, всё... навсегда... никогда не прощу" кончались ещё большим доверием, любовью. Я был приручён, но об этом она вряд ли догадывалась.

Проходили пушкинскую "Полтаву", я у доски: "И за учительЕй своих заздравный кубок поднимает..." (заглавной буквой здесь обозначено ударение). Она поправила — "учИтелей".

- А почему?
- Так правильно
- И сейчас?
- Конечно. Все говорят "учительЯ", но тогда надо говорить "мучительЯ" и "водителЯ", "вредителЯ". Слова эти едины по конструкции. А пострадали токари, слесари и учителя (токаряЯ, слесарЯ, учителЯЯ) за наибольшую близость их к народу-языко-творцу, тогда весьма безграмотному. Это слова на каждый день. Не соискатель, не свидетель, не вседержитель. УчителЯ — это отвратительно (последние три слова — смято, почти шёпотом).

- Но вы тоже говорите "учительЯ".
- А это ещё отвратительней.
- Так что, надо всегда говорить "учИтели"? Попытайся!

С тех пор ни разу не произносил это слово по-другому. С того дня уже прошло более шестидесяти лет, а "учительЯ" живы и всеприняты.

И постепенно, будто состоялась предложенная ею дискуссия, но в виртуальном варианте, я стал даже не ревнивцем, а просто апологетом языка, конечно, насколько хватало развития и культуры. Вылечить такого балбеса! Не это ли высшая отметка учителю (5+)?!, не это ли смысл многолетних тяжких трудов, не оправдание бессонных ночей, сомнений, минут отчаяния, унижения от несоответствия высшего внутреннего и убогого окружающего?

А пока в классе — выговоры и выволочки:

- Что значит — прочту стих Светлова?

Стих — это одна строка, только одна строка стихотворения, и ничего более. Запомни!

Я запомнил. На всю жизнь.

— Одеть можно только лицо одушевлённое или приравненное к одушевлённому. "Одеть ребёнка", "В гранит одетая Нева". Неодушевлённое можно только надеть. Пальто, очки, маску. Недавно одна народная артистка "одевала" любимую брошь.

Научатся этому когда-нибудь наши "нонешние" (её шутовское выражение) интеллектуалы, политики, шоумены?!

Как-то ранним вечером я шёл к школьному товарищу Вове Маргулис — мимо школы, по Сабанеюв мосту, в Воронцовский переулок. Мы с ним вдвоём делали астролябию, прибор по заданию учителя физики Фёдора Терентьевича Прусакова (не уверен, что "с" в его фамилии двойная). Проходя мимо Дома учёных, столкнулся с выходящей Софьей Яковлевной. Я: "Добрый вечер". Она: "О, поддержи, пожалуйста, я на минуту". Я взял её очень внушительного веса портфель и не отдал, когда она вернулась, понёс, провожая. Шли молча. Наконец, она мрачно:

— Спрашивают: "Что будете? Чай, кофе?" Новая элита. Из грязи в князи. Они освоили "мизансцены, ракурсы, ритм, монтаж", читали Чехова, Горького, даже Аверченко. Но говорят! И детей своих научат так, как говорили их родители. Мещане, обыватели (это их никоим образом не должно обидеть или унижить. Это среда, откуда вышли мы все. С Малой Арнаутской в Одессе, с Владимирской и Подола в Киеве, Замоскворечья в Москве). Эти кинорежиссеры говорят на русском по-барски, вставляют шикарные псевдоиностранные слова и псевдославянские выражения, а в русском — "что будете?", без дополнения. А это абсурд, безграмотность. Русский язык велик и могуч, это вы заучили с младших классов. Выучить — это хорошо. Но надо язык чувствовать. Как? Нутром! Пулом, селезёнкой. На уровне подсознательного осязать принцип, основы построения, словообразования. И тогда немыслимо будет коверкать язык.

- То есть "алгеброй поверять гармонию".

Боже! Как она улыбнулась! И провела рукой по моей нестриженной чуприне.

- Но ведь допускаются сокращения в разговорной речи? (Это я для поддержа-

ния разговора и чтобы понять, почему она так распалась по такому малозначимому поводу.)

- Допускаются, если "утром я пила кофе, а сейчас буду чай", и то как-то не очень... (Сморщил нос.) Даже очень не очень. Есть с десяток приемлемых вариантов.

- Но как понять в таких случаях, как поверить?

- Да зачем проверять!? А впрочем, пожалуйста. Если "я буду чай", то должна быть форма "я был чай". Абсурд!

- Но ведь очень многие говорят так. Почему?

- О, почему! Есть слова и выражения, для которых подходит термин "обывательизмы". Вот появись такое полуграмотное выражение в Киеве или Караганде — и сотни, тысячи, за ними миллионы обывателей с огромной скоростью из уст в уста, сразу узнав в нём своё, родное, передают его друг другу и, наслаждаясь, повторяют и повторяют, считая его чем-то из области высшей культуры. Это как оттопыренный мизинец на руке, держащей рюмку. А эти кошмарные, обычно нараспев, "Тань, Вась", "это ты, Оль?", "да, Кать". Какая-то чумовая, деревенская звательная форма, не существующая в современном языке. Есть следы старинной звательной формы или звательного падежа. Но какие! "Отче", "боже", "врачу", "господи", "человече", наконец. А вот замечательные образцы нью инверсии, бессмысленной, но обозначающей принадлежность к "высшему обществу". На ваше "добрый день" — жеманное "день добрый". Вместо "спасибо" или вполне законного "большое спасибо" — бессмысленное "спасибо большое"!

У Пале-Рояля она в продолжение темы назвала ещё несколько примеров, взяла портфель и по ступенькам вошла в тень двора. Примеры эти частью неактуальны теперь, частью мною забыты. А жизнь продолжается. Перестройка с её великим скачком культуры потребовала и количественного, и качественного усовершенствования обывательизмов. Что говорить, спрос рождает предложение. Как сказал некий еврей родом из Трира, язык — явление классовое. Зародился средний класс, а у него уже готовый язык. "Я по жизни певца", "Я по жизни оптимист", "Чем вы занимаетесь по жизни?" — из передач центрального телевидения. Услышаны три фразы в течение 20 минут.

Слесарь нашего ЖЭКа, с ильфовской кличкой "слесарь-интеллигент" за опрятность в одежде и работе, зовут его Станислав, иногда заходит выпить и пожаловаться на жизнь. Однажды сидим на кухне, вдруг он:

- Если не возражаешь, выключи телевизор, не выношу этой ничёйной передачи. Прогноз погоды. Выходит (неудобно повторять, но иначе пропадёт аромат его речи) дура и на голубом глазу говорит: "В Саратове — два мороза, в Одессе — три тепла". Каких два мороза, может, два Деда Мороза?! Если бы она и её редакторы учились языку в школе, а не на базаре, знали бы: нельзя употреблять числительные со словами, обозначающими состояние, свойство или вещество, без дополнения. Нельзя, как базарные... говорить "мне два молока", "две соли". Так же, как два железа, два возбуждения и два тепла. Не может быть такого сокращения. Есть ведь много правильных форм: "В Одессе три градуса", "В Одессе плюс три", а лучше — в Одессе три градуса тепла. Но нет! Эта (дама) выберет единственную неграмотную форму и с наслаждением (она её считает признаком элитарности, тонкой культуры — я вспомнил об оттопыренном мизинчике), с наслаждением повторяет её ежедневно. А вслед десятки таких же грудастых и толсто... (...щёких, скажем так) подхватывают эту дикость, как знамя. И это по телевидению, которое учит народ говорить! Раз сказали с экрана, значит, это норма!

- Давай, Стас, за родную Одессу! За мою сорок третью и твою, без номера, зато у самого парка. Как ты можешь помнить все эти мутные правила грамматики и не помнить номер родной школы?

- Не режь больше мяса, я огурчиком... доливай остатки, надо идти работать. Хорошо! А правила зубрить не надо, надо чувствовать родной язык печёнойкой.

- Ба, как звали вашу "русачку"?

- Звали её незабвенной памяти Генрих Августович, человек нежный и негибаемый.

Моей жене: "Людочка, красавица, найди нам ещё по чуть-чуть!"

Людочка, вынимая из холодильника, сладко, своим меццо: "Стасик, для тебя — в любое время, из самых высоких побуждений. Ты же знаешь, я мечтаю о финском унитазе!"

- Молодец у тебя жена! Логическое мышление украшает женщину!

- Месяц спустя. Та же кухня, тот же телевизор.

- Выпьешь, пан Станислав?

- Нет, не хочется, давно не хочется, посижу, пойду в шестой корпус... Послушай, что говорят! Задолбали этими "как бы", это же полный идиотизм — слушай: "Я как бы выхожу из дома", "я как бы встречаю подругу". Пол-России сошло с ума. Так ведь говорят уже и известные артисты, и режиссёры, и певицы "по жизни". Человек, даже учившийся на тройки, прочитавший две книги, не может не понимать, что "как бы выхожу" означает прямо противоположное: "Не выхожу, мысленно выхожу, хлопаю дверью и прячусь за шкаф". "Как бы" — замечательная тонкость русского языка, сродни "якобы", проиошла, думаю, от сокращения "как будто бы", но приобрела новый богатый оттенок, лёгкий и виртуальный. (Ну, понесло слесаря, выдать, от злоупотребления.) Вчера нашей диспетчерше Фаине Сомовой (ты видел, девица "потрясная", и через слово "как бы") положил руку на коленку: "Фаиночка, нельзя в таких случаях говорить "как бы". Она, тупо глядя: "А почему?" "Ты поймёшь, если вместо "как бы" мысленно подставишь "якобы" или "как будто бы". "А зачем?" То же тупое выражение лица с примесью некой жалости ко мне (ведь это так элитарно!). Эпоха недоумков".

Я успокаивал его, как мог. Мол, "как учат, кто учит, успеваемость выше знаний"! А недавно один умник по телевизору: "Прежде чем учить, учитель должен научить себя уважать своих учеников, никогда и ни при каких обстоятельствах не оскорблять их чувство собственного достоинства, не задевать ни прямо, ни косвенно их недостатки". Так вот, дорогие наши Софья Яковлевна, Арон Евсеевич, Марта Максимовна, Мери Александровна, вы, нас учившие в любимой нами одесской школе № 43, это ведь так просто! Не надо вкладывать душу, достаточно по-уважать два раза в неделю и выставить себе сококий балл. А вы-то тратили себя, вы нас любили и жалели. И это помогало вам знать, когда ударить, когда погладить. Нас, своих детей.

Я, признаюсь, дважды подстерегал Софу и провожал, "гуляя", как нерадивый ученик с Сократом, впитывая премудрости. Уверен, ей тоже было интересно учить тому, "что не в школе", и видеть, как я слушаю.

- Нельзя бездумно менять связанный с языком. Отменили ять и i красные профессора, из экономики в печати перестали ставить две точки у "ё". И что же, народ стал говорить "шоФер, планЕр, утро вечера мудренЕе", зато "современНый". Что означает — трамваи идут "один за одним" вместо "один за другим" (вот так, Владимир Семёнович!)? По логике это — "бегу сам за собой". Из той же обоймы — режущие слух безграмотности "и то, и то" (правильно — "и то, и другое", "и то, и это"), "и там, и там" (надо "и там, и здесь"), так же — "и так, и так" (вместо "и так, и этак", например). Отсутствие чувства языка!

Во время непродолжительных прогулок Софья Яковлевна рассказывала много интересного, но не всё доходило, а что-то тут же вылетало в другое ухо. Прямые потери. Были и паузы по две и три минуты, тоже потери. Противоречивые наставления. "Говори правильно в любом окружении, не подделывайся под большинство и сильных". "Говори правильно, не выпячивая грамотность, единовлаццы и желающие приобщиться придут сами — вот как ты ко мне. А вот желающие во что бы то ни стало показать свой интеллект заставляют щеголять словами "инциНдент" и "прецеНдент", хотя говорят "дОговор, договорА, торта, крема" и ещё чёрт знает что. Шедевров из копилки обывательизмов ты ещё встретишь десятки".

Вечный вопрос: что делать? А ничего! Главный доктор и в этом — время. Обывательизмы возникают, входят в моду, начинается эпидемия, пандемия, затем постепенно надоедают, исчезают, заставляют — вместе с носителями. Мода недолговечна. И в этом спасение.

Дорогие умненькие одесситы и одесситки, я знаю: вы люди не равнодушные. Как было бы отродно нам, старикам, на Одесской улице увидеть чужиную доску, указывающую, что в этом доме находится Клуб радостей российской словесности имени блистательной Софьи Гасско. Клуб, созданный вами.

Москва.

А. ДОБРОЛЮБСКИЙ, Л. ПИКАНОВСКАЯ

Археология Джинестры

В последние годы (2013 — 2016) были проведены поисковые археологические осмотры и обследования мыса и пляжа "Ланжерон" в районе дельфинария "Немо", его набережной и других увеселительных заведений, а также склонов Приморского бульвара, на месте создающегося Стамбульского парка. Это делалось с целью выявить, собрать и по возможности зафиксировать имевшиеся здесь археологические остатки перед их окончательным уничтожением повсеместными строительными работами, ведущимися на этих участках.

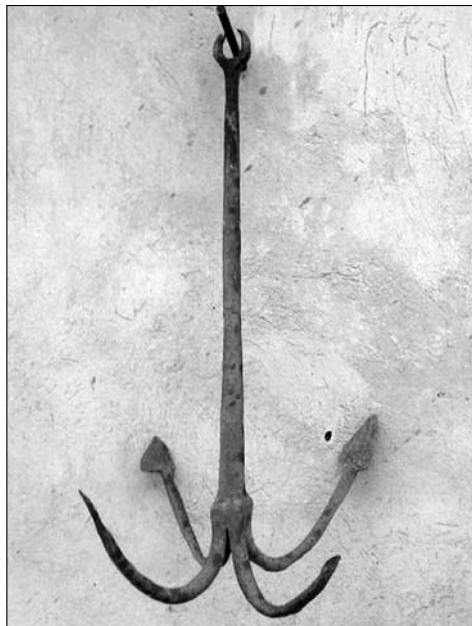
Около половины собранных материалов составили обломки античных сосудов VI — III вв. до н. э. и керамики позднехаджибейского времени, типов "Изник" и "Кютахья", второй половины XVIII в. Отчетливо выделяются также считанные индикативные фрагменты посуды римского времени (первые века н. э.). Не меньшую часть нашей коллекции образовали фрагменты не слишком выразительной, а потому трудно определяемой красно- и желтоглиняной неполивной керамики, которая, по предварительным оценкам, датируется достаточно широко: X — XV вв. Она условно именуется "керамикой византийского круга". Между тем обнаружилось и внятно датируемые экземпляры — это осколок импортного расписного глазурированного (так наз. "люстрового") сосуда иранского производства середины XIV в., а также несколько десятков обломков золотоордынской керамики первой половины того же столетия. Среди них — окатанные в море, но отчетливо определяемые фрагменты мисок, тарелок и кувшинов с желтой, зеленой, бирюзовой и коричневой поливой, часто на ангобной подгрунтовке. Встречены и остатки так наз. кашинной керамики (изготовленной из смеси песка с известью). Сходная посуда известна на памятниках Старый Орхей и Костешты. Она уверенно относится исследователями к расцвету Золотой Орды, к ее "золотой эре" — времени правления ханов Узбека и Джанибека, вплоть до чумной пандемии 1348 г. и "Великой жамятни" (с 1359 г.).

Не менее убедительно описанная керамика хронологически соотносится со временем бытования на нынешнем одесском побережье небольшой итальянской фактории, которая на румбовых картах XIV — XV вв. именуется Джинестрой. По историческим сведениям и соображениям, эта фактория могла здесь возникнуть после Нимфейского договора 1261 г. и периодически существовать вплоть до конца XV ст. Наши находки, по всей видимости, отмечают период ее особенно активного функционирования и расцвета. Видимо, Джинестра тогда играла немалую роль в торговле "Генуэзской Газарии" с Золотой Ордой на крайнем западном причерноморском участке Великого Шелкового пути. Об этом так-

же свидетельствует группа погребальных памятников кочевой знати XIV в. близ Одессы — захоронения монгольских всадников, охранявших торговые караваны. Они датируются монетами ханов Тулабуги (1287 — 1290 гг.), Токты (1291 — 1313 гг.) и Узбека (1313 — 1337 гг.).

Ранее при раскопках у Воронцовского дворца были найдены фрагменты так называемой красно-желто-ленточной керамики, которые датируются второй половиной XIV в. Подобные находки были сделаны и в Карантинной балке. Такая посуда также известна на средневековых памятниках Молдовы и в Белгороде. Это может означать, что уже тогда здесь действительно находился небольшой ордынский поселок, так наз. орду-базар, культурные остатки которого, видимо, были уничтожены позднейшим строительством.

Это не удивительно. Известно, что если орда кочевников регулярно останавливается в каком-либо месте, то там сразу же образуется базар. Тесная связь между ордой и базаром породил явление и соответствующий термин "орду-базар" — военный, походный базар (ordu + bazar). Такой поселок вполне мог находиться здесь, близ Джинестры, в качестве ее торгового "партнера". Подобная практика кондоминиума широко использовалась во взаимоотношениях ордынских улусов с генуэзцами и венецианцами. Она же была унаследована от Орды в XV в. литовскими князьями и магнатами, которые, "заглатывая" отдельные ордынские улусы целиком, постепенно овладели к тому времени причерноморским побережьем.

Вадим ЧИРКОВ

Мне бы только глоток...

Окно дядимишиной комнаты выходит в маленький дворик, почти на середине его стоит высокий платан, идет дождь, мы слышим, как капли барабанят по прошлогодней листве под ним, чуть накрытой снегом. В кухне гремит посудой тетя Мария, готова обед. Внук Кирилл в школе. Мы затронули с пяток тем, но ни одна из них не "заиграла". И вдруг дядя Миша словно бы услышал какой-то звук вдалеке — он повернул голову, прислушался. Наморщил лоб.

— Нет, показалось.
— Что, дядя Миша?
— Вроде была знакомая песня... В доме еще несколько наших, — вдруг он восторженно. — Я вам еще не рассказывал о своем бизнесе?
— ?!
— Серьезно. Хотите послушать?
— Конечно, дядя Миша!
— Все наши, — устраиваясь поудобнее, начал старик, — приезжая сюда, думают о бизнесе. Такой здесь кураж. И нет человека, который бы ему не поддавался, который бы себя к бизнесу не примерил.
— Неужели и вы, дядя Миша?
— Я же сказал: кураж. Он вскружит голову любому. И совсем, между прочим, не обязательно братья-таки за бизнес, можно только некоторое время думать: "Интересно, а я бы смог, как все, сыграть в эти игры? Моя голова еще на что-то кроме домино способна? Мож-

но ли, имея голову, втиснуться в тесный ряд лавочек на Брайтоне?"

Чтобы в него втиснуться, нужны две вещи — деньги и смекалка.

Деньги — понятно, зачем, а смекалка нужна, чтобы придумать небывалый товар. Тот товар, которого нет еще на Брайтоне.

Но на Брайтоне есть все, даже японские мечи и старинные пистолеты.

И все-таки, думаю я, чего-то в нем нет. Не может быть, чтобы чего-то здесь не хватало! Ну-ка, извилины. Ну-ка, ну-ка!..

Я копался в своей голове, как пожилая женщина копается в шкатулке, где она хранит накопленные за жизнь пуговицы, отыскивая единственную мне нужную.

Неожиданно на самом дне шкатулки блеснула та, единственная. Мне вспомнился... день рождения Леонида Утесова, его 70-летие.

Помните, что подарили одесситы Утесову на юбилей? Они пошли в переулок, где он родился, остановились у его дома, открыли большую бутылку с вакуумом, сделанным в заводской лаборатории, набрали воздуха из его переулка, хорошенько заткнули и послали бутылку в Москву! Вот это был подарок!

— Так, так, — сказал я (я, честно говоря, подумал, что дядя Миша просто съехал на другую тему и не заметил этого), так, так... Где же тут бизнес?

— Он запрятан в самой глубине. Вы его еще не заметили?

Я помотал головой.

Дядя Миша бросил на меня быстрый взгляд.

— Так, так, — повторил он мое недоверие, — так, так... Слушайте же! Я завожу собственное дело. Я открываю магазин. Для начала — лавку. Над ней вывеска: "Тот самый глоток". Или другой. Я еще не придумал.

Кто-то заходит и видит меня, за моей спиной — полки, а на полках, как в хорошем баре, хорошо заткнутые красивые бутылки, флаконы, склянки с наклейками: "С Дерибасовской", "Из "Гамбринуса", "С Соборной", "С Приморского бульвара", "Из аптеки Гаевского", "Со Степной", "С Мясоедовской", "С "Привоза", "С Ланжерона", "Пересыпь", "Тираспольская площадь", "Морской вокзал", "Аркадия"...

Покупатель читает наклейки, читает — как путешественник.

— Без обмана? — не верит.

— Какой обман?! Попробуйте — убедитесь, — отвечаю.

Он показывает на флакон "С 91-й ступеньки Потемкинской лестницы". Объясняет:

— Я когда-то — очень-очень давно — начал на этой ступеньке свидание. Это имело особый смысл...

Вытаскивает пробку, подносит флакон ко рту, глубоко вдыхает.

— О-ох!.. Я стоял, — продолжает рассказывать, — на девяносто первой, а она спускалась ко мне. Тогда в моде были юбки-колокола. И ко-

локол, когда она спускалась ко мне, раскачивалась. Колокол, колокольчик, колоколенка, колечка, другая, мелькают под колоколом... Пойдите, да это не воздух во флаконе, а прямо-таки вино! Я не отравлюсь? Да, так она спускалась ко мне, не торопясь, до меня была чуть не сотня ступенек. Я не сводил с нее глаз. Слушайте, я снова ее вижу! И колокол, и коленки. Она смеется! В левой ее руке сумочка, а в правой — цветок. Она все ближе, ближе... "Что это за цветок?" "Какой-то чудак подарил". "Выбрось его". "И не подумаю". Мы беремся за руки и поднимаемся к Дюку, на Приморский, на скамейку. И она не спрашивает, для чего она спускалась на девяносто первую, потому что на ней была юбка-колокол, а эта юбка особенно хороша на лестнице, особенно — такой, как Потемкинская... Слушайте, что за чудо вы упрятали в эти склянки?

— А следующий посетитель, — рассказывал о своем бизнесе дядя Миша, — остановит глаза на флаконе из Аркадии. А кто-то спросит, есть ли хоть что-то в моем магазине с улицы Баранова, поближе к номеру 20?..

Старик замолчал. Молчал и я. Капли барабанили по прошлогодним листьям.

— Дядя Миша, — все же решился я через минуты три, — а нет ли у вас случайно глотка вечернего воздуха с 16-й станции Фонтана? С дороги к трамваю? Мне бы только один...

— Приходите в магазин завтра, — ответил старик, — я должен получить посылку.

Нью-Йорк.

Михаил ГАУЗНЕР

Война и мужчины моей семьи

Семьдесят пять лет назад началась Отечественная война, унесшая десятки миллионов жизней. Её участников почти не осталось, появились три новых поколения, но до сих пор иногда приходится слышать и читать, что евреи воевали только "на ташкентском фронте". Не буду вступать в бессмысленную полемику и пытаться убедить антисемитов — они этого недостойны; просто расскажу об участии в войне мужчин моей семьи.

Отец моей жены Ефим Кельштейн имел "бронь" не только из-за болезни сердца, но и как руководитель здравоохранения бассейна реки Днестр. В первые дни войны он заявил, что хирург в эти дни должен быть на фронте, и ушёл в армию. Во время проводимой им в полевом госпитале операции начался налёт немецкой авиации. Он приказал ассистировавшим ему медработникам немедленно идти в укрытие, а сам продолжил операцию, так как у раненого были тяжёлые повреждения и он мог умереть от потери крови и шока. После окончания бомбёжки коллеги обнаружили хирурга мёртвым около стола, на котором под наркозом лежал живой прооперированный боец. У врача не было никаких ранений — просто отказало сердце...

Старший брат отца Езекиль Гаузнер ушёл из Одессы на фронт в июле 1941 г. и вскоре погиб.

Хорошо помню моего дядю Семёна (Соломона) Шевелёва, богатыря из семьи одесских бинджоников с Молдаванки. Как большинство крупных мужчин, был добродушным, весёлым, жизнерадостным, любил шутить, знал множество анекдотов, одесских оборотов речи и артистически их применял. В молодости он в составе бригады грузчиков работал на кондитерской фабрике и легко справлялся с четырёх-пятитупудовыми мешками. На обед они шли на расположенную недалеко от фабрики Чумку. Там выпивали по поллитра водки, закусывали пожаренной на костре яичницей из нескольких десятков яиц на всех и по большой хале (плетёный хлеб с маком) "на брата", на десерт добавляли полведра свежей халвы; все продукты им давали на фабрике, это входило в условия оплаты. Потом продолжали работать до конца рабочего дня, который порой затягивался до вечера.

Когда дядя Сеня решил поступить в политехнический институт, друзья с Молдаванки его отговаривали: "Тебе надо этот гембель? Кидай мешочки, грузи спину, но имей свободную голову и вольную жизнь!" Но он стал инженером и, видимо, неплохим. В 1942 г. ушёл на фронт, воевал на Волховском фронте, был тяжело ранен в ногу, после нескольких месяцев в госпитале демобилизовался инвалидом I группы. Сначала практически не ходил, терпя постоянно сильную боль, потом с трудом передвигался на костылях, а негнущаяся нога была в жёстком и тяжёлом бинде из толстой кожи и стали — тугоре. Без костылей, с палкой, начал ходить только несколько лет спустя и при этом умудрялся работать по десять и более часов в день, со временем стал хорошим и уважаемым руководителем.

В последние годы жизни он мужественно перенёс несколько тяжёлых операций. Когда за день до смерти в больнице к нему в очередной раз подошла молодая медсестричка Мэри, он пропел ей, как обычно, отрывок песни Л. Орловой из фильма "Цирк" "Мэри, Мэри, чудеса...". Потом попросил дать "мой

подъёмный кран" — так он называл привязанный к спинке кровати жгут, с помощью которого, не желая утруждать других, сам садился. Превозмогая боль, шутил до самого конца, поддерживая своих родных. Такие силу воли и мужество он проявлял постоянно в годы, отведенные ему судьбой после войны, которая была причиной всех его бед.

Другой мой дядя Михаил Бердичевский стал на войне сапёром. Был контужен, долго лежал в госпиталях, на несколько месяцев полностью потерял память, даже имени и фамилии не помнил. Последствия сказывались всю жизнь.

Младший брат моей матери Борис Вайнштейн был призван в первые дни войны, тоже был контужен и стал инвалидом. Я помню его молодым красnofлотцем (в 1941 г. ему было 23 года), когда он провожал нас на пароход перед эвакуацией из Одессы.

Таможенная площадь перед входом в порт была уже заполнена народом. Стояли или сидели на земле женщины, старики, к ним жалась непривычно тихие дети, лежали груды чемоданов и узлов. К воротам порта стояла огромная очередь. В небе ни одного облачка, жара, хотелось пить.

Борис получил увольнительную с батареи береговой артиллерии под Одессой, где он тогда служил. Когда мы уже приблизились к заветным воротам, в небе появились немецкие самолёты. Завыли сирены, застучали зенитные пулемёты. Началась паника, крики, толпа хлынула с площади, люди толкали друг друга, сбивали с ног. Борис схватил меня на руки и забежал в подъезд какого-то дома на Польском спуске.

Самолёты улетели, мы в неразберихе с трудом нашли родных. А пароход "Ленин" ушёл без нас в свой, как потом стало известно, смертельный рейс. Через несколько дней он подорвался на mine недалеко от мыса Сарыч, затонул и унёс с собой жизни около трёх тысяч одесситов, раненых бойцов и призванных.

За один или два дня до оккупации Одессы самоходных плавсредств для ухода из осаждённого города уже не было. Морские батареи вышли в море на шлюпках. Вероятность спасения была ничтожной, но другого выхода у них не было. Немецкие самолёты охотились в основном за перегруженными кораблями, которые могли стать для них лёгкой добычей, поэтому морякам на нескольких шлюпках чудом удалось из последних сил преодолеть почти двести миль и прийти в Севастополь.

Потом я увидел Бориса только после войны — повзрослевшего, сдержанного, с чуть перекошенным после контузии ртом, совсем не похожего на того молодого беззаботного довоенного паренька.

Главным мужчиной в моей жизни, авторитетом и примером был для меня мой отец Яков Давидович. Ему не пришлось воевать на фронте, но его вклад в достижение победы был достаточно велик, и это заслуживает подробного рассказа.

Отец окончил Одесский индустриальный институт, работал на заводах Одессы. В 1938 г. был назначен начальником механического цеха завода "Кинап".

Когда началась война, отец большую часть времени стал проводить на заводе, приходя домой только поздним вечером либо работая сутками.

О неудачной (а в действительности — счастливой) попытке эвакуации я уже написал выше, рассказывая о Борисе. Через несколько дней мы погрузились на пароход "Каме-нец-Подольский", благополучно прибыли в Мариуполь, оттуда в переполненном товарном вагоне приехали в город Йошкар-Ола.

Отец был назначен начальником механического цеха оборонного завода № 297, изготовлявшего прицелы и дальномёры. Цех разместили в недостроенном корпусе какого-то предприятия, в котором были только стены. Станки устанавливали прямо на землю, как-то закрепляли и запускали. Одновременно делали крышу и поочерёдно сооружали фундаменты станков. Отец работал сутками, спал урывками, домой приходил раз в несколько дней.

Для увеличения объёма выпуска деталей отец предложил смелое техническое решение, которое сначала было принято в штыки. Отца предупредили, что в случае неудачи он ответит по всей строгости военного времени, но он рискнул, и проблема была успешно решена.

Потом "узким местом" завода стал оптический цех, который изготавливал линзы. Работали там в основном шлифовщики и полировщики, которые всех, не принадлежавших к их узкому кругу элитных специалистов-оптиков, считали невеждами. Отцу снова пришлось действовать решительно и бескомпромиссно. Он перестроил работу всего цеха, зная, что в военное время это могло в случае неудачи очень плохо для него закончиться: методы работы "органов" были жёсткими, отец рисковал своей свободой и относительным благополучием семьи.

После того как был достигнут резкий рост объёма выпуска линз, отец вернулся к своим основным обязанностям. За успешное выполнение заданий Государственного комитета обороны по увеличению объёма выпуска артиллерийских, танковых и авиационных оптических приборов для фронта ряд работников завода получили правительственные награды. Отец был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Вскоре отец был назначен главным инженером одного из самых крупных оптико-механических предприятий Наркомата вооружения — завода № 356 в г. Свердловск. На заводе задерживалось освоение аэрофотоаппаратов новой конструкции, которые должны были поставить на штурмовики и бомбардировщики взамен устаревших цейссовских. Ознакомившись с заводом, отец с присущей ему энергией взялся за дело.

Видимо, его руководство было эффективным, т. к. в требуемые сроки аппараты в составе были освоены и на испытаниях в боевых условиях показали прекрасные результаты, позволявшие резко улучшить результаты бомбометания. По представлению маршала авиации Новикова отец получил орден Отечественной войны I степени, которым по его статусу награждались только участники боевых действий — за особые, конкретно перечисленные боевые заслуги.

После войны, преодолев сопротивление Устинова, отцу удалось по согласованию с ЦК оформить перевод в Одессу главным инженером завода "Кинап". В начале кампании "борьбы с безродными космополитами", которая потом увенчалась "делом вра-

чей-убийц", отца по надуманному поводу уволили. Только через несколько лет, после смерти Сталина, его назначили главным технологом одного из одесских машиностроительных заводов.

Отец был прекрасным организатором и руководителем, умел сосредоточиться на главном, не размениваясь на мелочи. Конечно, в этом очень помогал ему опыт технического руководства крупным оборонным заводом в военные и послевоенные годы. Сотрудники отца рассказывали мне, что его очень уважали и обращались не только по производственным вопросам, но и с личными проблемами, и он всегда в меру своих сил и возможностей им помогал.

Мы с отцом были по-человечески очень близки, похожи внешне, даже голоса наши часто путали. Я не помню с его стороны нравов и других "воспитательных моментов". Просто своими рассказами, а ещё больше — поступками он показывал мне, как нужно жить и работать, как относиться к людям. Его суждения о событиях были всегда доказательными, он умел слушать собеседника и убеждать его.

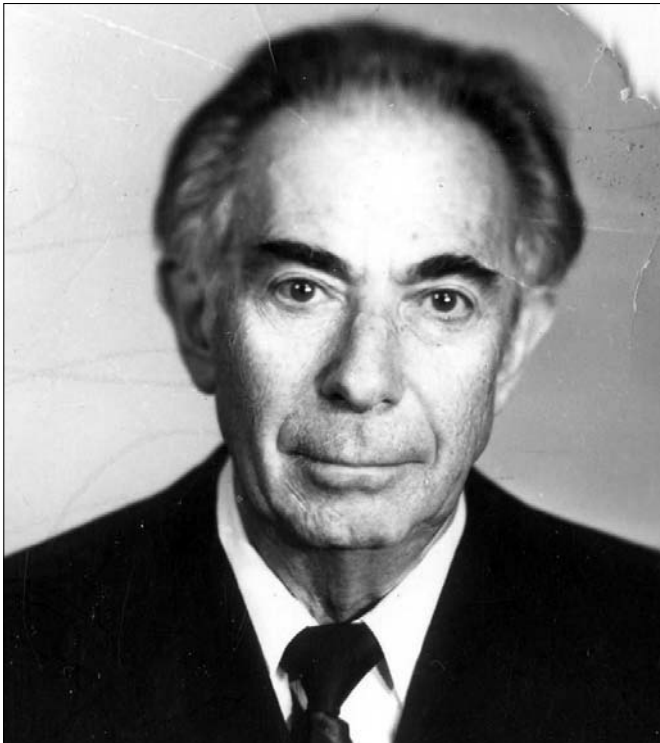
Много лет во время сменяющих одна другую тяжёлых болезней отец сохранял достоинство, был терпеливым и исполнительным, слегка иронично отзывался о своих хворах. Даже в последние дни жизни, когда силы покидали его, он не терял присутствия духа.

Вот уже тридцать лет, как его нет с нами. Я сейчас старше, чем был в конце жизни мой отец, многое переосмыслил, более глубоко понял, "примерил" на себя. Не раз, когда бывало нелегко, подводило здоровье, наваливались житейские неурядицы, передо мной как бы появлялось лицо отца, я почти наяву слышал его голос, и это помогало мне преодолевать трудности.

Я очень благодарен судьбе за то, что у меня был такой отец, с уважением и симпатией вспоминаю мужчин нашей семьи. Пусть этот очерк будет данью памяти мужественных людей, благодаря которым наш народ победил в той страшной войне.

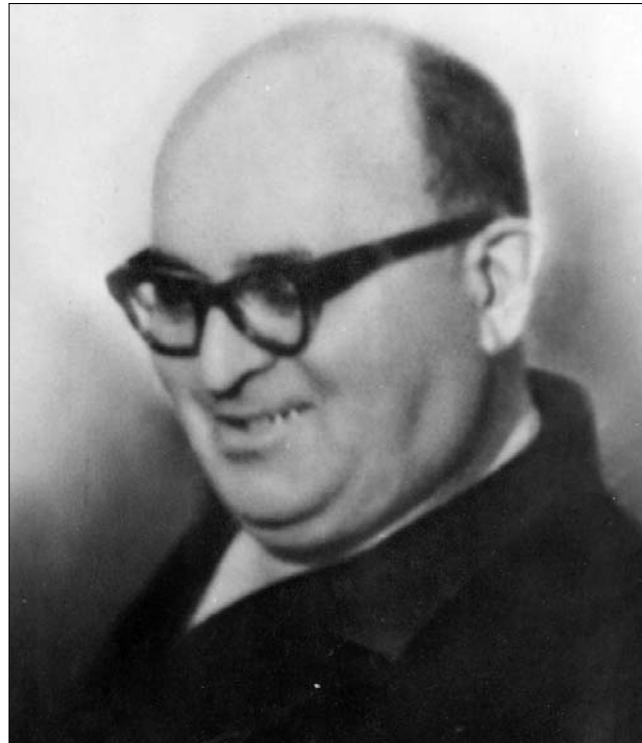
Е.С. Кельштейн.

Я.Д. Гаузнер.

Б.М. Вайнштейн.

С.М. Шевелев.

Фаина ИРИНИНА

Театр ушей

МЫ ЗАВЯЖЕМ ВАМ ГЛАЗА И ЗАСТАВИМ СЛУШАТЬ

Позвольте себе быть ведомым, откройте ваш разум, оглушите внутреннего скептика — не иначе какая-то секта! В каком-то смысле так и есть. И верим мы в то, что текст должен быть абсолютно голым, чтоб сквозь прозрачную кожу просвечивали вены и сразу бросались в глаза угри. Театр ушей — первый в Украине литературный аудиотеатр.

На данный момент Театр ушей работает в двух режимах: платформа для молодых авторов и музыкантов и родзал настоящих аудиоспектаклей. При входе участники сдают оружие: харизму, длинные ноги, красивые глаза — и остаются один на один с концентратом себя, своим творческим продуктом. А зрителям завязывают глаза еще в коридоре и по одному рассаживают по местам.

Театр ушей существует с ноября 2015 года. Появился он как-то сам по себе, никого не предупреждал о своих намерениях и амбициях, растет быстро, развит не по годам, любит головоломки и внимание. В настоящее время состоялось уже восемь мероприятий. Акция по захвату ушей происходит раз в месяц, иногда — два.

— Я не делала никакой рекламы. Написала несколько знакомым. Рассчитывала, что придут человек 20 — 30, все-таки должен быть камерный формат, — говорит автор идеи Ирина Фингерова. — Но на первую же встречу собрались 80 человек. Во второй раз уже пришли 150, и с тех пор мы ввели обязательную предварительную запись.

Физиологический предел концентрации внимания — 40 минут, не больше. Наши мероприятия обычно занимают около часа. 20 минут мы отводим музыкантам, 10 — поэзии, 30 — прозе, но бывает по-разному. Стараемся чередовать, чтоб не утомлять слушателей.

К тому же помимо литературно-музыкальных деликатесов (а иногда — прогорклой овсянки) мы угощаем зрителей всякими чувственными изысками и экспериментами. Например, просим отчаянных смельчаков поднять руку, затем объясняем правила: «призрак» подойдет к вам, коснется плеча, и вы тотчас же молча должны будете открыть рот. Во рту в скором времени оказывается шоколад, оливка или сыр. Кому как повезет. Интересно, что, несмотря на сомнительное предложение, соглашаются поучаствовать практически все. Видимо, если люди уже позволили завязать себе глаза и настроились целый час слушать самопровозглашенных литераторов-музыкантов, призраками их не испугать!

Стоит упомянуть, что в рамках Театра ушей функционирует дочерний проект — Литературный салон: еженедельные встречи авторов, на которых мы не просто читаем тексты и хлопаем в ладошки, а разбираем, критикуем, исправляем и по возможности работаем над манерой прочтения. С нами на встре-

чах присутствует Инна Найдис — главный редактор журнала "Migdal Times", у неё многолетний опыт работы редактором, тяжелая стадия перфекционизма, и ей крайне сложно угодить — как раз то, что нам надо!

Некоторые авторы, которые приходят в Литературный салон, — постоянные участники Театра ушей, некоторые только идут к этому, пробираясь сквозь дебри банальных сюжетов, сырых (а иногда — заплесневелых) текстов и проблем с дикцией, а некоторые приходят один раз и никогда не возвращаются. Не всем нравится копаться в себе, что-то исправлять. У нас бытует концепция «литературного эксгибиционизма» и «литературные экскременты». Стараемся от этого уходить. Поначалу многие из нас говорили: «Это даже не рассказ, так из меня вышло», — что с точки зрения ложной скромности звучит неплохо, но тогда зачем читать? Мы стараемся уходить от понимания творчества как средства психотерапии, способа опустошиться, вылиться из стакана, потому что он переполнен. И идти к тому, чтоб перед тем как написать первое слово, знать — зачем. Отталкиваться от Идеи прежде всего, как от скелета, и затем нанизывать на него плоть, как мясо на шампур. Ну и нанизывать — в идеале — эстетично, а не тяп-ляп.

Сценарии для Театра ушей придумываем вместе и по отдельности. Например, в мае — июне запускается несколько аудиоспектаклей: по рассказам Ирины Фингеровой, Елены Андрейчиковой, Ивана Черненко, Анны Михалевской. Сейчас готовится совместный сценарий участников литературного салона. Это Лой Штамм (поэзия), Иван Эрм, Ирина Фингерова (проза) — синтез лирики и физики, сюжет — мелодичная баллада, в которую вплетается, прорастает корнями, прорубает междустроичье — проза.

Есть у нас такая функция — аноним вечера. Подумайте только — Театр ушей создает условия для полнейшей, тотальной анонимности. Поэтому в конце мероприятия со стихами или прозой (в несколько меньшем объеме, чем остальные участники) может выступить робкий дебютант или просто человек, который хочет быть неузнанным.

«Как-то так вышло, что к нам обратилась с предложением о сотрудничестве организатор проекта для слепых детей Ирина Чиркина, мне понравилась эта мысль, но я не была уверена, а потом на следующее мероприятие пришла слепая девочка, и я подумала, что такое совпадение — не иначе как знак. Поэтому 10 апреля в рамках Театра ушей прошел благотворительный вечер, на который поддержать такую добрую идею приехал из Ивано-Франковска украинский писатель — Тарас Прохасько», — говорит Ирина Фингерова.

И минутка полезной информации. Театр ушей находится по адресу: Малая Ар-

наутская, 46-а (в здании наших партнеров — еврейского культурного центра «Мигдаль», за что мы выражаем огромную благодарность). Информацию можно найти в Интернете: в социальных сетях есть странички Театра ушей, которые так и называются — «Театр ушей».

Возможно, если повторить название еще сто раз, оно вам приснится.

А теперь небольшое интервью Ирины Фингеровой, взятое Ириной Фингеровой.

— Ирина, каково это — выступать перед зрителями с завязанными глазами? Поделитесь впечатлениями.

— Тяжело. Казалось бы — делай, что хочешь. Хотя пляши, хоть кривляйся, никто не увидит, должно быть, наоборот, проще. Но, так или иначе, люди всегда ориентируются на реакцию, ждут одобрения, некоторые — неодобрения, но в любом случае — какого-то отклика. А здесь — будто толпа марионеток. Если начать всматриваться в них — можно заблудиться. Лучше не отвлекаться от текста. А потом они хлопают, иногда смеются, если что-то смешное читаем, и становится полегче.

— Какие у вас дальнейшие планы?

— Из ближайших — совместный проект с Всемирным клубом одесситов — театр ушей на разных языках (английский, французский, немецкий, арабский, хинди, иврит, испанский и т. д.). Цель состоит в том, чтоб продемонстрировать, что у таланта нет границ и национальностей, и попробовать внести разнообразие в культурный досуг туристов и жителей Одессы. Обычно на мероприятия вход бесплатный, но работает система free donation, собираем в поддержку июльского тура Театра ушей по Украине.

— Не кажется ли вам, что вы «продаете воздух»?

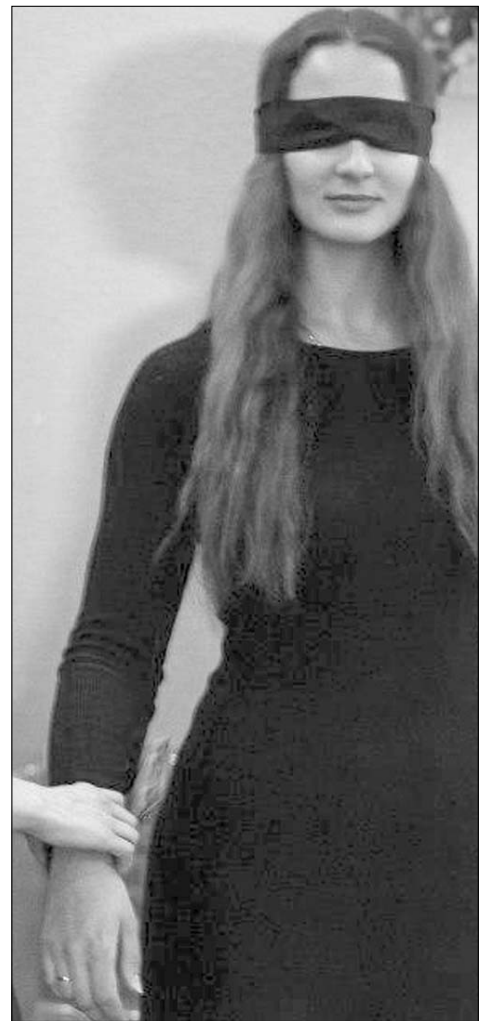
— Кажется (смеется). Это вообще парадокс. Если взять ту же программу, но не завязывать глаза, столько людей не придет никогда. Мы отдаем себе отчет в том, что многие люди приходят, потому что посидеть часик с завязанными глазами — весело, и пока что мы — как углеводы: приятно, удобоваримо; но мы хотим становиться глубже, острее, злободневней.

— Как происходит отбор участников?

— Я выбираю. Зачастую это ребята, которые ходят в Литературный салон, или некоторые отправляют мне через «ВК» или «ФБ» свои произведения. Но я объявляю особенно не делаю. Обычно сама кому-то пишу, с музыкантами — та же история.

— Почему вы считаете, что ваши произведения достойны? Вон выступаете каждый раз.

— Черт его знает, достойны они или нет. Я бы хотела, чтоб существовал такой приборчик, который можно было бы навести на текст, а он бы определял: графомания перед

ним или нет. У меня внутри такого нет, а если и есть, то он постоянно барахлит. Не знаю. Но поскольку я автор идеи, наглым образом узурпировала право отбора.

— Зачем вы это делаете? Заняться нечем?

— Во-первых, я самой себе создаю обстоятельства для развития и вдохновения. А во-вторых — другим. И это меня радует. Мне нравится вдохновлять других, это вдохновляет меня саму. Короче, круговорот вдохновения. Я считаю, что волшебство в нашем мире — это умение замечать волшебство в мелочах и создавать атмосферу. И мне хочется качественно, а не количественно влиять на литературную жизнь Одессы.

— Так вы вроде врач? Могли бы людей лечить, а сами рассказы пишите.

— Ну, я думаю, хороший врач — счастливый врач, а мне, чтоб быть счастливой, надо рассказы писать, а то если я долго не пишу, у меня прямо литературные поллюции начинаются, я в разговоре с друзьями начинаю фразочками говорить такими... явно в рассказ им надо.

— Хоть не стихи, и то благо.

— И стихи пишу (обреченно). Правда, читаю редко. Если вернуться к разговору «из меня это вышло», то я бы назвала их эмоциональными отрывками, а не стихами. Но некоторые, бывает, читаю, потому что они хорошо звучат. Если не вникать. Ну, поэтом себя не считаю и не хочу. Поэтическое общество — это еще более грустно, чем прозаическое. На прозаические мероприятия хоть иногда кто-то, кроме авторов и юных поклонниц, забредает.

— А денег заработать на Театре ушей не думали? Почему не сделаете платный вход?

— Пока мы в раздумьях. С одной стороны, платный вход отвалил бы зевак, с другой стороны, кто-то не сможет прийти из тех, кто мог бы действительно вдохновиться.

— У вас есть цензура? Вы вообще-то ответственность за уши несете! Вдруг кто-то с ребенком придет?

— Есть, да. Банальная такая, следим, чтоб не было навязывания религиозной или политической идеологии, слишком жестких текстов с матом. Если есть несколько таких слов и их использование оправданно — то это одно дело, а если просто ради эпатажа — это не для формата нашего.

— А почему в еврейском центре делаете? Я не превращусь в еврея, если приду?! Страшно!

— Театр ушей проводит спектакли в здании еврейского культурного центра «Мигдаль», потому что Кира Верховская — директор «Мигдаля» — поддержала новое достаточно смелое начинание, бесплатно предоставила помещение, к тому же в «Мигдале» происходит множество интересных мероприятий, там функционируют театральные, вокальные, музыкальные классы, школа экскурсоводов, библиотека. Довольно подходящая атмосфера. Но, учитывая наши дальнейшие планы, не редкостью будут и «выездные» Театры ушей на других площадках, например, несколько лет назад я арендовала трамвай и провела там литературно-музыкальный вечер, может быть, мы это повторим, но уже в формате Театра ушей. В общем, впереди будет немало экспериментов!

Ирина ФИНГЕРОВА

Рассказы для правого уха

Интервью, взятое у сыра

(о том, как удобно устроился сыр)

— Кто ты? — спрашивали его.
— Я сыр, — отвечал он.
— Какой ты? — спрашивали его.
— Я питательный.
— Откуда ты родом?
— Из молока, — отвечал сыр, — а крестный мой отец — сычужный фермент, мать моя — природа, а любимая правнучка моя — pizza ai quattro formaggi.
— Опиши себя тремя словами, — просили его.
— Доблестный, мудрый, красивый.
— Назови свои сильные стороны, — просили его.
— Я сыр.
— Назови свои слабые стороны, — просили его.
— Я сыр.
— Твои увлечения?
— Покрывать плесенью.
(*голос диктора: «А теперь сыр задает вопросы».)
— Кто вы? — спрашивал сыр.
— Мы не знаем, — отвечали они.
— Какие вы? — спрашивал сыр.
— Мы не знаем, — отвечали они.
Тогда сыр понял, что так дело не пойдет.
— Хотите ли вы стать сыром? — спрашивал он.
— А это возможно? — с надеждой в голосе отзывается один из них.
— Нет! — говорит сыр и хохочет. — Конечно, нет!

Апчхи!

Посвящается великой и таинственной психосоматике

Апчхи! Пыль. Пыль!! Аллерген! Аллэ! Провод!! Аллэ! Огурцы посолила? Апчхи! Ассоциативный ряд. У аллергика аллергия на ассоциативный ряд. И на соседней. Аллэ! Аллэ!! И на телефон. (Это называется социофобия.) Апчхи! Фобия — это греческий. Греки готовят греческий салат. Мама готовит салат. Папа не готовит салат. Потому что мама готовит салат. Аллергик не ест салат, который готовит мама, потому что у него аллергия! А у папы нет аллергии!! У аллергика аллергия на пап! Папы могут есть салат! В салате есть капуста! Капуста хрум-хрум! И латук! Латук тук-тук! Аллергику никто не тук-тук. У него аллергия на тук-тук! У него аллергия на людей. Слишком мало людей рядом, чтоб не было на них аллергии. У аллергика есть святая обитель — картонная коробка с небольшими прорезями для глаз. Он надевает её на голову каждый раз, когда хочет чувствовать себя счастливым. Потому что счастье — это безопасность. У аллергика аллергия на безопасность. (Если она живет в картонной коробке.) Но в картонной коробке хотя бы не видно его соплей, поэтому людям больше нравится, когда аллергик в коробке. Апчхи! У аллергика аллергия на коробку! У аллергия аллергия на людей! У аллергия аллергия на аллергию! Сними! Коробку! Дурак!

— Хорошо, что место оказалось свободным. Вот мальчик стоит рядом с велосипедом. Не сел. Подумал, наверное, пускай кто постарше место займет. Или с велосипедом неудобно просто? Ха, стоит, нагло ухмыляется, ветер из открытого окна трамвая ерошит его волосы, лузгает семечки и прямо в окно выкидывает шелуху. Конечно, не сел. Неудобно бы ему было. Интеллигентным его точно не назовешь. Мог бы и в руку скорлупки собирать тихонечко, потом бы выкинул. Нет же, а ведь кому-то в голову могут его бывшие семечки попасть, да еще и в слюнях. Фи! Остановка. Открывается дверь. Заходит женщина с ребенком. Несколько вошедших людей заслоняют собой женщину, и я никак не могу уступить ей место. А я бы уступил, поверьте. Если бы она прямо возле меня стояла — я бы уступил. Мальчик на меня смотрит. Думает небось, что я жлоб. Что я место ребенку не уступил. А сам семечки свои лузгает. А я, может, не успел. Я думал о недавно прочтенной книге — «Игра в бисер», я строил в уме интегралы, я рисовал черный квадрат в окружности зрачков вымечтанного мной образа, я думал. Я думал о том, о чем, скорее всего, все эти люди в трамвае и не задумывались никогда, и поэтому я не уступил место. Кто я? Что есть Бог? Что первично — идея или материя? Этот мерзкий маленький мальчик со своими семечками читал Эриха Фромма? А я читал. Мо-

жет быть, еще немного, и в моей голове родится гениальная мысль? А что — они? "Сколько стоит хлеб?", "какую колбасу купить?", "детей надо из садика забрать". Убого! Они смогли бы выдумать новый звук или, может, аппарат, записывающий запахи? "Ольфактофон" — я бы так назвал такой аппарат. Потому что я мог бы его выдумать. Пока не выдумал, но я мог бы. Поэтому я не уступил место — ясно тебе, ты, мелкий прыщ, которому суждено вырасти в продавца мобильных телефонов, нет, скорее, менеджера (я точно знаю: вижу эти скрещенные ноги, нагловатую ухмылку, вижу, как ты щелкаешь свои семечки в открытое окно)? А может, я не прав? Может, одно маленькое доброе дело куда важнее, чем вырванное вместе с внутренностями стихотворение, нацарапанное второпях в клетчатой тетрадке в тот самый момент, когда можно было бы уступить место? Может, этот мелкий веснушчатый проходимец поступает правильней, чем я? Почему он на меня смотрит? Он понимает, он прощупывает, он судит... Следующая остановка не моя. Плевать. Я больше не могу здесь находиться. Мальчик выходит вместе со мной. Катит за собой свой сраный велосипед. Хочет упрекнуть меня: смотри, я умею кататься, я люблю жизнь. "Извините, — говорит он, — кто-то приклеил к вашей спине записку..." "Это ты? Ты сделал?" — начинаю вопить я. Мальчик пугается. Я вижу это. "Да с чего бы?! Вместо спасибо!" — бурчит он, садится на велосипед и уезжает.

Я срываю записку со спины: «Меня не существует», — гласит она. Я смотрю на свои руки — их нет, смотрю на свои ноги — их нет. Пытаюсь посмотреть вниз — рельсы. Я — трамвай. И впервые жизни я не задаю себе вопрос о смысле существования, я просто еду, я знаю свой маршрут. Жаль, что я не паровоз. Тогда я мог бы делать «чух-чух».

Пиджак злости

В одном городе жил человек, у которого был пиджак. У пиджака было много потайных карманов, в них человек хранил злость, пока у нее не заканчивался срок годности, затем сливал просроченную злость в унитаз, хорошенько сметая щеткой остатки. Дело он это не любил, а потому предпочитал расходовать всю злость одновременно.

Потайные карманы этого пиджака никогда не пустовали, потому что человек, у которого был пиджак, всегда находил себе свежую злость и трогательно лелеял ее, оберегая от всяческих неурядиц, а лучше всего — от доброты, которая немедленно вызывала у злости дисбиоз.

Человек боялся, что злость состарится, станет немощной и растеряет свою силу, потому каждый вечер, ровно в шесть, он бережно наносил выхолащенные обиды на ее шершавые склизкие щупальца, как бальзам от морщин.

— Ой, как хорошо! Мазюкай, мазюкай, не жалей! — приговаривала злость и пытела.

У человека был кот. Кот частенько говорил «мяу». Злости, располагавшейся в левом кармане снизу, не нравилось, что кот такой зануда, и она постоянно критиковала его:

— Кот невероятно банален, — заявляла злость со знанием дела, — скучный, глупый кот!

Кот не был скучным, он был худым и белым. Иногда — черным. Иногда он уходил гулять, потому что у котов есть гормоны. У человека тоже были гормоны, но они не хранились в потайных карманах, они летали вокруг человека и тягали его за волосы, которых, осмелюсь признать, с возрастом становилось все меньше и меньше.

Еще у человека был другой человек с другими гормонами. Другой человек — женщина. Потому что первый — мужчина. Хотя все не обязательно. Но предположим, что дело обстояло именно так. У женщины не было пиджака с потайными карманами для злости, потому что пиджак женщины украли дети. (Но без пиджака она была не голой, а радостной.) А человек, у которого был пиджак, ненавидел детей за то, что его пиджак они оставили украденным. Он любил бросать камнями в маленького соседа из квартиры сорок два, который был ребенком и потому человек его ненавидел. А сосед любил смеяться и ковыряться в носу, а затем смотреть на свои пальцы. Еще у человека был друг. Друг всегда улыбался и тоже был без пиджака. Вообще-то все иногда болеют пиджаками. И всем предстоит обрести активный иммунитет.

Теоретически женщина тоже может вырастить у человека пиджак. Из-за гормонов, наверное. Но она не настолько сильна, чтоб уничтожить вирус пиджака насосевем. Так уж повелось в мире: некоторые живут с пиджаками, а некоторые — без. Главное — знать, что пиджак существует. Именно этот секрет я

и хочу вам поведать. Человек сливает просроченную злость дважды в день, и это время его карманы пустуют.

— Ой-ой! — вопит злость. — Олух! Ты не мог всю меня использовать, такой продукт пропадает! Высококачественная вредность! Человек сливает просроченную злость в унитаз дважды в неделю...

И женщине нужно всего лишь подгадать момент сказать: «Пошли его к черту!», «Будь счастлив», «Будь свободен», «Задай ему жару!» Если женщина не слишком разговорчива — ей можно пустить слезу. Нужно улыбаться пиджаку искренне и радостно (от этого он начинает кашлять).

— КХЕ-КХЕ! СВОЛОЧИ!

И обнять человека, на котором пиджак. Крепко, изо всех сил. Чтoб ему было тепло и спокойно. Чтoб победить в войне с пиджаками — обнять и быть обнятым в ответ.

Однажды жила-была костлявая старуха по имени Рг'вей. Старуха Рг'вей любила по-лынь, рябину и румянец на щеках тринадцатилетних девочек с лихорадкой. Сама она, будучи тринадцатилетней девочкой, любила березовый сок, изношенные башмаки и уток в пруду.

Во время осеннего равноденствия она увидела юношу, и он пришелся ей по душе настолько, что старуха Рг'вей метнула в него стрелу да попала прямо в глаз, отчего глаз его начал вытекать. Тогда все сбежались, начали тыкать в нее пальцами и верещать: "Ты, старуха Рг'вей, из-за тебя глаз юноши вытекает". А она только посмеивалась. Оплевали её всю, некоторые камнями кидали, юноша плакал и молчал, а старуха Рг'вей только посмеивалась. А затем пришла домой, к себе, легла на травяную подстилку и заплакала тоже.

Крестики-нолики

"Я свободный Нолик, весь мир у моих ног!" — думает Нолик. "Я молодой энергичный Крестик!" — думает Крестик. "У меня есть целых 9 вариантов! 9 жизней!" — думают оба.

Вдруг появляется белая рука. Выглядит она так: пять длинных пальцев, на большом — заусеница и кровотоцит оборванная кутикула, на среднем — согнутый кольцом ржавый гвоздь. Рука проводит ластиком по полю. Еще раз. Еще. Крестик и Нолик боязливо съеживаются в своих клетках, мир вокруг стремительно исчезает. Поля больше нет, других клеток не осталось — чистый белый лист.

"Вот и всё", — думают они. "Ах, теперь я навеки заключен в предсказуемость четырех линий заточившей меня клетки!" — горестно вздыхает Крестик. "Ой-ой, отныне я не смогу неторопливо прогуливаться в межклеточье и наслаждаться геометрической гармонией", — сокрушается Нолик. "Судя по всему, нам придется целую вечность проторчать с этими болванами", — перешептываются две Клетки.

Рука хихикает и удаляется: "Надо же! Даешь им вместо 9 вариантов бесконечность, а они хватаются за один и плачут! Чудак!"

Монолог с камнями за пазухой

Здрасти. Здрасти-здрасти всем. У меня вот руки совсем замерзли. Суй в карманы, не суй — все равно мерзнут. Все дело в криогенезе. Без шуток. Это у меня способность такая: все вокруг превращать в лед, а людей — в ледышек. За пазухой у меня всегда камни. Раз в неделю я пополняю свои запасы: если я много хороших дел сделала, беру камни маленькие, если вела себя паршиво — приходится брать большие. Так я проявляю уважение к великому балансу. Признаюсь, бываю дни, когда я уж совсем по-свински себя веду, а потом еще и камни тяжелые не хочу брать, чтоб спина не болела. Тогда приходится высчитывать, распределять отвергнутую ответственность на несколько недель вперед. Хочется рассказать о себе, но я не слишком умею говорить. Попробую с помощью рисунков. Рисую я тушью и только на холодильнике, да и рисунок у меня лишь один — мой идеальный дом. Знаете, какая главная проблема в настоящих домах? Туалет. Вроде маленький, а бывает такой вонючий! Но в моем холодильникевом домике все совсем не так, вот почему я его люблю, этот домик — жизнь, к которой я стремлюсь.

А стремлюсь я к тому, чтоб всегда было приятно, что кроме туалета есть еще целый дом.

Для этого надо учиться не чувствовать запаха, это называется «быть счастливым». А если еще поест чего будет — вообще красота!

И любовь, конечно. В моем холодильничковом доме это крыша: вроде и не используешь особю, а от холода спасает. Камни мои терпеть эту любовь не могут, чуть встречу ее — поднимают шум, и приходится такие камни тяжеленные потом таскать, что легче уж отказаться от нее к чертям собачьим. Любовь-то — сплошной эгоизм, а камни мои фиксируют все, на ус мотают, а в конце недели — счет. Внутри мой холодильник тоже интересный — там хранятся испорченные продукты и нормальные. Это такая русская рулетка — что возьмешь. Главное — всегда воображать, что еда свежая, даже если от нее воротит, и есть с удовольствием. Сложно отравиться, если есть с удовольствием. Все-таки ты сам решаешь, травиться тебе или нет и какие камни с собой носить. Вот в чем штука.

Расскажу вам мой последний секрет — чашы, которые всегда врут. Я каждый день представляю время, вначале хитрила еще, помнила, на сколько переставляю, но уже и забыла. Это очень удобно: я обманываю время и чувствую себя всеильной. Никуда не опаздываю или, наоборот, совершенно не успеваю.

Теперь у меня не осталось тайн. Я совершенно голая. Прохладно. Замерзла, я же говорю. Суй в карманы, не суй — не спасает. Все дело в криогенезе, без шуток.

Это у меня способность такая — все вокруг превращать в лед, а людей — в ледышек.

Мир такой большой, я всё время пытаюсь помнить, какой он большой и как это здорово.

Но если честно, лучше бы он был маленький. Маленький и понятный как раз для такого маленького человека, как я. Чтoб там не было ничего лишнего, а весь мусор исчезал сам по себе.

Еще желательно руководство по эксплуатации. Хотелось бы знать, как правильно прожить жизнь. А чтоб делать что-то правильно, и только так, дело должно быть не слишком большим. Иногда я люблю помечтать. О том, что когда-нибудь я стану гигантской, такой огромной, больше, чем завод по производству детского питания или любой другой завод, буду просто невероятных размеров. Но на самом деле я этого боюсь. Мне бы поменьше быть, помещаться в спичечный коробок или тюльпан. Как прекрасно и сладко было бы там засыпать и просыпаться. Как и у всех остальных людей на свете, у меня есть мозг, которым я не умею пользоваться. И мой мозг рождает чудовищ, рождает чудеса, миллионы других измерений, я путешествую во времени в пространстве, он постоянно жрет, а кормлю я его не слишком хорошо. Часто мы с ним едим фаст фуд, но ладно уж — это хотя бы вкусно, а бывает ведь, и нередко, что мы просто жрем металлолом, стекловату, кучу ненужной и невкусной использованной туалетной бумаги. Я рада, что мы с мозгом есть друг у друга.

Всем говорю, что люблю правду. Люблю реальность. И думать тоже люблю. Такое вранье. Я бы хотела быть стулом или столиком, даже подсвечником. Чем угодно на самом деле.

Думать вообще-то неприятно, столько всего неприятного приходится делать, когда ты маленький человек, который хочет быть большим, а еще больше — быть маленьким.

Вера ЗУБАРЕВА

Горести и радости в американской больнице

Молния ударила прямо в дом. Мы как раз пили кофе на кухне и слушали дождь. С утра обещали торнадо, отменили рейсы, предупредили по всем местным каналам, чтобы люди не выезжали на дорогу вечером.

Ровно в назначенный час дождь постучал в окно. Точность — вежливость королей. Мы налили себе кофе и обменялись мыслями о погоде. Дождь постучал настойчивей.

— Да слышим, слышим.

Вдалеке извивались змейки молний над крышами. Где-то гремело и сотрясало, а до нас долетали только отголоски небесного действия. Но и они были достаточно мощными. Вскоре началось такое, что выйти на улицу можно было только в акваланге.

— Ну и ну, — только и сказали мы, рассматривая подводный мир улицы.

Трах-тарарах!

Молния, казалось, разорвалась прямо на кухне. Посыпалась мишура электрических искр из глаз люстры, и на этом с электричеством было покончено. Ровно пол-улицы, начиная с нашего дома, оказалась отрезанной от цивилизации.

Дождь мгновенно умчался, видно, отомстив нам за такой неподобающий его сану приём. Мы с завистью посмотрели на окна соседей. Пусть кому-то повезёт... Светлые летние сумерки запели отряхивающими капли птичками и загудели подсыхающими насекомыми. Мы вздохнули. Что можно делать в полуосвещённом доме в XXI веке? Вечер при свечах не привлекал. Тем более что ужин уже был съеден, фортепьяно электрическое, а пенье птиц можно слушать и в саду.

— Давай поедem в молл, — предложил Вадим. — Там хоть свет и кондиционер есть. Погуляем до закрытия.

И мы поехали.

Молл напоминал заколдованный замок, где, никем не востребованные, грустно болтались на вешалках превращённые люди. Они были небриты, поматы и с вульгарным макияжем. Нет уж, лучше созерцать закат. И мы созерцали, оставив это благоустроенное пристанище цивилизованных призраков продавцам и уборщикам.

Небо никогда не бывает вульгарным, даже если в нём намешано множество несовместимых для эстетизма красок и оттенков. Оно бросает вызов всем правилам. Интересно, в какой из небесных галерей будет вывешено это полотно?

На обратном пути пришлось объезжать улицы и переулки с поваленными деревьями. Жильцы и пожарные с полицейскими окружили их, словно пытаясь оказать им первую помощь.

Электричество так и не дали. Наутро было решено ехать вместе с Вадимом на работу. Там холодильник и все прочие прелести современного бытия. Вытащили съестные припасы из тёмного холодильника, чтобы не испортились до вечера, взяли мой компьютер... Вроде всё. Помчались.

Трах-тарарах!

Это я внезапно соскальзываю со ступеньки и лечу вниз, пытаясь задержаться левой рукой за перила с правой стороны. По дороге ломаются кости с таким же грохотом, как при разряде молнии вчера на кухне.

Прибыла. Я внизу.

— Ты в порядке?

— А разве ты не слышал? У меня поломалась рука. Только не дотрагивайся. Сейчас сама соберу то, что внутри, и поедem к тебе в "скорую".

Всё получилось очень даже удачно. В Джинсе (имя больницы или госпиталя, по-английски) у Вадима с утра была запланирована видеотрансляция.

— Значит, так. Забрасываешь меня, бежишь на трансляцию. Встречаемся в "скорой".

То, что у меня перелом, понятно пока только мне. Я не жалеюсь, не стону, веду светскую беседу типа "как дела? — хорошо". Доктор собирается сделать снимок, и балетмейстер-

рентгенолог с воодушевлением принимается за работу. Следуя указаниям свыше, она пытается поставить меня у экрана в правильную позицию.

— Осанку держите прямо, так... голову чуть отклоните вправо, руку от себя. От себя! И — раз...

Похоже, она нервничает.

— Милая, не нервничайте, — пытаюсь успокоить её. — Я не прима-балерина, я знаю, но я стараюсь изо всех сил. Только вот кости мои разъезжаются в разные стороны.

Она думает, что я над ней потешаюсь. У них там как раз несколько истеричных пациентов поступило. Одна просто обрыдалась.

— Отчего вы рыдаете, мадам? Вам плохо? — спрашивает доктор.

— Нет. Но плохо моему отцу, а я не хочу, чтобы и мне было так же плохо, как ему. Вы понимаете, о чём я? Сделайте же что-нибудь, доктор!

Я же в это время качаюсь возле экрана, тщетно пытаюсь попасть хотя бы в кордебалет. Большой театр мне явно не светит. После очередной неудачной попытки проделать какой-то рас, я вдруг начинаю ощущать, что левая часть моего тела медленно надувается, превращаясь в дирижабль. Через секунду дирижабль сдувается, и тело вообще исчезает. Верните мне тело! Какое ни есть!

В ужасе смотрю на свою нижнюю левую часть. На месте. Вот это да!

— Понимаете, у меня ощущение, что... — я делюсь ощущением с рентгенологом.

— Нужно проверить нерв, — говорит она тут же своей ассистентке и убегает к врачу за новыми указаниями.

Прибегает немного подобрешей и с новыми па, разработанными специально для меня. Эту хореографию я в состоянии выполнить. Она беспрестанно хвалит меня, а я, скромно потупив очи, говорю, что это всё благодаря её восхитительному уменью взять от каждого по способностям. На прощание мы обнимаемся, а потом она ещё не раз прибегает ко мне, пытается сделать так, чтоб мне было как-то лучше и поудобней сидеть и ждать приговора. Милая!

Вскоре появляется Вадим и за ним — доктор в хорошем расположении духа.

— У вас приличный перелом трубчатой кости, — сообщает он. — Хотите взглянуть на снимок?

Кто ж не хочет взглянуть на снимок своих разломанных костей! Хочу, доктор, конечно, хочу! Скорее ведите меня к чудесному монитору! Тем более что других зрелищ здесь не предвидится. Меня усаживают в инвалидную коляску и выкатывают на красный ковёр этого медицинского "Оскара". Мне показывают, объясняют, притом с огромным воодушевлением, что и почему грохочет в недрах моего тела.

— Есть у вас на примете хирург, которого бы вы хотели видеть?

О да! У меня есть на примете светило — доктор Малер, который 10 лет назад сложил из шести частей мою раздробленную щиколотку. Глядя на это изящное произведение искусства, никто и поверить не может, что это дело рук доктора Малера, а не Господа Бога.

Пока меня переодевают, накладывают повязку и выполняют другие формальности, мой доктор отправляет по мейлу снимок Малеру, находящемуся на операции в другом госпитале. Через какое-то время он прибегает с ответом.

— Не будем притворяться, что операция не нужна, — говорит он с ходу, понимая, что я надеюсь на гипс. — Доктор Малер сказал, что данный перелом в гипс брать нельзя. Он передавал Вам привет и сказал, что сегодня или завтра будет оперировать. Сейчас мы отправим вас в палату, а вечером доктор приедет к вам, чтобы обговорить детали.

Через 10 минут меня ждала карета, то бишь другая инвалидная коляска.

— Куда едем? — интересуюсь у водителя.

— 2 В, — отвечает он.

По-английски это звучит весьма символично: 2 В (как to be).

— Прекрасно! — восклицаю я. — To be sounds promising.

Все смеются, оценивая шутку. Юмор — это то, что роднит людей разных культур. Он звучит здесь везде, даже в больницах, даже в самых сложных ситуациях. Как в Одессе.

Вечером прибегает, отдуваясь и переваливаясь, огромный усталый доктор Малер.

— Как это произошло? — спрашивает, улыбаясь.

— Не иначе как соскучилась, доктор. Не вижу другого объяснения.

Он смеётся. Потом говорит, что кость переломана как раз посередине и половинки находятся в движении. Зафиксировать их при помощи гипса невозможно. Нужно просто сложить их вместе и скрепить болтом. Где-то так. Операция будет длиться от 25 минут до часа. Руку разрезать не будут, только сделают один или два надреза. Операция назначена на завтра, на вторую половину дня. Поскольку нужен рентген во время операции, всё будет зависеть от того, когда такая операционная будет свободна. На том и распрощались.

Приходит палатная медсестра, справляется, нужно ли что-нибудь, рассказывает о распорядке дня. В лице у неё нечто родственное. Смотрю на имя, написанное на халате. Так и есть. Люба. "Откуда?" — спрашиваю, когда она появляется вновь. Оказывается, родители из Украины, а она здесь родилась. По-украински говорит с акцентом, но это мы переживём. К вечеру она заканчивает смену, заходит попрощаться. Мы желаем друг другу доброй ночи, а ещё через какое-то время в палату врывается темнокожая Нефертити по имени Аманда и с царственной осанкой проходит по палате, не удостоив меня взглядом. Это ночная ассистентка медбрата. Она обменивается приветствием с моей тоже темнокожей соседкой, поступившей с обострением болезни жёлчного пузыря, и исчезает, оставляя за собой шлейф загадочности.

Около десяти часов вечера я решаю немного перекусить, поскольку после полуночи и до операции есть нельзя. У меня с собой немного домашней снеди, но до неё не дотянуться. Нажимаю на кнопку вызова, и вскоре в дверях появляется прекрасная Аманда.

— В чём дело? — спрашивает она с неприкрытым гневом.

— Мне бы поесть, — робко говорю я. Не люблю, когда царицы гnevаются. — У меня немного еды на столике. Не могли бы вы подать мне вон ту баночку?

Блестя глазами, она подаёт мне еду.

— Благодарю вас. Вы очень добры, — лепечу, втайне любясь её редкой грацией.

Утром она появляется преобразённой, благосклонно измеряет мне пульс, температуру и давление и уходит навсегда из моей жизни, пожелав моей соседке скорейшего выздоровления. Добрая пожилая темнокожая Анжела, приходит ей на смену.

— Что у тебя за акцент, милочка? — интересуется она почти с ходу, вновь проверяя температуру, пульс и давление.

— Русский.

— Русский! Как я обожаю этот изумительный тяжёлый русский акцент!

Дружба завязалась сразу, если не между нашими странами, то между двумя их представительницами. Анжела была ангелом во плоти. Она обтёрла моё тело хлорином, переменила халат и обласкала вниманием.

— Не важно, какой у человека акцент, — приговаривала она, расставляла по местам баночки на моём столике. — Всё, что требуется — научиться слушать другого. Слушай! Понимаешь?

— Понимаю, Ангел.

Около 14:00 меня, наконец, увозят прямо

в моей кровати, что напоминает мне сказку "По щучьему велению".

— Когда ты вернёшься, я буду здесь ждать тебя, — уверяет меня Анжела.

"Этаж "to be", на котором меня ждёт ангел. Всё должно быть хорошо", — думаю я по дороге на плаху.

Через несколько минут я была доставлена в операционное отделение в сопровождении санитаров и Вадима, подоспевшего как раз вовремя. Кровать поставили в специальном закутке в коридоре, откуда рукой подать до операционной. Мимо пробежали люди в разных халатах. Видимо, после операций.

Вскоре подошёл анестезиолог. Он был угрюм и бледен, как житель подземного царства.

— Как же я ненавижу общий наркоз, — поделилась я мыслями вслух.

Он согласно кивнул. И это не прибавило мне спокойствия.

— А местную анестезию можно? — пыталась я разговорить его.

Он отрицательно мотнул головой. Потом приступил к пояснению процедуры по протоколу.

"И этот человек остановит мои жизненные процессы, парализует мои мышцы и отрубит меня от мира", — стучало в висках.

Закончив, он удалился. Вадим поцеловал меня и тоже умчался по вызову.

К моей кровати приближались две веселенькие тётушки.

— Меня зовут Кэрол, — представилась одна из них. — Я работаю в паре с анестезиологом. Я начинаю, а он завершает.

— А я Нэнси, операционная медсестра, — с таким же энтузиазмом представилась другая.

Я прониклась к ним искренней симпатией и пожелала быть предельно откровенной.

— Кэрол, — начала я без обиняков. — Мысль об общем наркозе угнетает меня.

— О как я тебя понимаю! — воскликнула она. — Я сама терпеть этого не могу — как пациентка. Я люблю быть в курсе происходящего, у руля, и ненавижу, когда меня отрубают. Но ты будешь в полном порядке. Лежи, отдыхай, сейчас доктор подойдёт.

Она унеслась, и вскоре, тяжело переваливаясь на негнущихся ногах, ко мне подошёл добрейший доктор Малер. Мелькнула мысль о том, что ему пора ставить искусственные колени.

— Всё будет хорошо, поверь мне, — просто сказал он, взяв мою руку в свои медвежьи ладони. — У меня было две операции в прошлом году, и всё закончилось прекрасно. Наркоз — ерунда. Не думай об этом. Ты ничего не почувствуешь, и время пролетит незаметно.

Душка.

Как только наша аудитория подошла к концу, вернулись Нэнси с Кэрол. Кэрол несла какие-то целлофановые кулёчки с жидкостью и была в особо приподнятом настроении. На кулёчки я покосилась с недоверием.

— Что это? — спросила я Кэрол.

Она мне заговорщически подмигнула:

— Я работаю барменом по совместительству.

Нэнси хихикнула.

— Что сие означает? — всполошилась я.

— А то, что я стою на раздаче прекрасных коктейлей. Пациентам нравится.

Нэнси снова хихикнула. И тут мне стало весело. Ну просто праздник! Меня везли по коридору, кружили-вертели, завезли в огромную комнату, и там были... все вы. Да, да! Все мои фейсбучные друзья, которых я знала и не знала лично, стояли и ждали меня. А потом началась какая-то небывало интересная дискуссия о литературном процессе, о литературе, о новых записях в блогах. И всё в каком-то радостном, приподнятом ключе.

— Вера, вы идеальная пациентка! Просыпайтесь, — услышала я и улыбнулась. Ну какая же я пациентка? Хотелось бы знать, кто из моих друзей так пошутил.

Оказалось, это была Нэнси, моя новая подружка. Завидев мою улыбающуюся физиономию, она сказала:

— Хорошее начало.

— Можно воды?

— Сейчас. Я дам тебе пока что немного льда, а то вся твоя вода может выйти наружу.

"Хорошенькое дельце!" — воскликнула во мне Рина Зелёная, и я послушно взяла леденчик льда и посмаковала его в своё удовольствие. Доктор Малер помахал мне рукой на расстоянии.

— Вас тошнит? — поинтересовалась Нэнси.

— Немного.

Она что-то подложила мне под щёку.

— Это на всякий случай. Хочешь увидеть своего мужа? Он в коридоре, ждёт.

— Нет.

Все захохотали.

— Почему?

— Не хочу, чтобы он подумал, что меня тошнит от него.

Тем временем меня накачивали чем-то от тошноты.

— Ты такая розовенькая, — сообщила Нэнси. — Температуры нет, я проверяла. Наверное, это от нагретых одеял, которыми мы тебя прикрыли.

Дальше пошла неперебиваемая игра слов. Пытаясь объяснить свой радостный цвет лица, я сказала:

— I had a very good dream.

— A good dream? — переспросила Нэнси, не связав dream с пылающими щеками.

— Да нет, не крем, а сон.

— Ах, сон! Сон — это прекрасно. А ты чудно смотрелась, когда спала. Глаз не оторвать.

Моя улыбка стала ещё шире. Я бы расхохоталась, но сил на это не было. Знала бы хитроушка Нэнси, что накануне я полезла в "Ютюб" и отыскала-таки видео, где показывали пациентку под наркозом: глаза залеплены клейкой лентой, во рту трубка. Ну просто спящая Венера! И тут же где-то на краю повреждённого сознания мелькает другая мысль: им что там делать было больше нечего, как только разглядывать мою спящую особу?

Тем временем Нэнси вещала кому-то по телефону:

— Имя пациентки — Вера Зубарева. Уже пришла в себя. Операция прошла нормально. Она ещё тут. Просто кинозвезда!

Перевозу взгляд на настенные часы. Ничего себе! Уже почти 21:00! Что-то позновато для короткой операции. Смотрю вопросительно на Нэнси.

— С тобой всё в порядке, — поспешно заверяет меня она. — Задержка произошла из-за отсутствия одной детали в наборе для твоей руки, который нам поставляет другой госпиталь.

Оказалось, что когда операция подошла к концу и оставалось ввинтить шуруп, шурупа на месте не нашли. Просто те, кто отвечал за набор, забыли его туда положить. Такого ещё не было в практике доктора Малера.

— Давайте разбудим её, а завтра закончим, — настаивал анестезиолог.

— Ни в коем случае! Разве вы не знаете, как она относится к анестезии? Мы не будем подвергать её дважды этому стрессу.

Как хорошо, что генералом был Малер! Ровно два часа я лежала под наркозом, пока связывались с поставщиком и переправляли шуруп по назначению. За это время можно было бы написать новую спящую Венеру — под маской! Но я не роптала. Чувство зйфории от пробуждения в этом мире меня не покидало.

— Ладно, — сказала я Нэнси. — Раз такое дело, идите вы все по домам, а меня везите к мужу.

И они повезли меня к моему дорогому, любимому, единственному...

Филадельфия.

Александр БИРШТЕЙН Ожидания, которые не сбылись

Для меня началось все с книжечки синего цвета, изданной в Одессе и названной "Время больших ожиданий". Сколько раз я ее читал! И, конечно, взялся за томики цвета кофе с молоком — собрание сочинений писателя. И поразились. У ПАУСТОВСКОГО НЕ БЫЛО ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ГЕРОЕВ. Никто не вызывал на его страницах омерзения, ненависти! Сожаление, гордость, улыбку, любопытство, приязнь... Я прочел почти все, написанное Константином Георгиевичем. Я прочел от корки до корки книгу-подвиг — его подвиг! — альманах "Тарусские страницы". Но главная (для меня!) книга — все равно "Время больших ожиданий".

"В февральский день 1920 года во время пронзительного норда денкиницы бежали из Одессы, поспав напоследок в город несколько шрапнелей. Они лопнули в небе с жидким звоном..."

И все. И Одесса свободна. А в ней голод, холод и разруха. Но зато в Одессе, наконец, мир. А это сулит надежду. И пробуждает ожидания. Огромные, как море, которое плещется под улицей Черноморской.

"Самый путь из города на Черноморскую улицу был своего рода лекарством от невзгод. Я часто испытывал это на себе. Иногда я возвращался из города в полном унынии из-за какой-нибудь неудачи. Но стоило мне войти в безлюдные переулки, окружавшие Черноморскую: в Обсерваторный, Стурдзовский или Батарейный, — услышать шелест старых акаций, увидеть темный плющ на оградах, освещенных золотеющим солнцем зимы, почувствовать веяние моря на своем лице, и тотчас возвращались спокойствие и душевная легкость..."

Давайте договоримся: в самом начале 20-х годов прошлого века Паустовский еще не был писателем. Газетчиком разве что. Но он уже вел дневник, на основе которого написаны его книги. Вернее, многие из них. И "Время больших ожиданий" — тоже. В принципе, эта, самая любимая для меня у Паустовского книга, состоит из трех компонентов: дневниковые записи, вымысел автора и следы огромного влияния на него двух великих писателей, с которыми он общался в Одессе. Это, конечно, Иван Бунин и Исаак Бабель. Наверное, огромное счастье для будущего писателя, когда на тебя влияют-учат такие авторы. Но... Все дело в том, что взгляды Бунина и Бабеля очень сильно отличались.

"Вообще, как только город становится "красным", тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы. Совершается некий подбор лиц, улица преображается.

Как потрясал меня этот подбор в Москве! Из-за этого больше всего и уехал оттуда.

Теперь то же самое в Одессе — с самого того праздничного дня, когда в город вступила "революционно-народная армия" и когда даже на извозчичьих лошадях, как жар, горели красные банты и ленты.

На этих лицах, прежде всего, нет обыденности, простоты. Все они почти сплошь резко отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всему и всем".

Так писал и думал Бунин. Так он и говорил.

А Бабель? Бабель, прошедший Конармию и написавший "Конармию", говорил совсем иное.

"Из окна летели прямые улицы, исхоженные детством моим и юностью — Пушкинская тянулась к вокзалу, Мало-Арнаутская вдавалась в парк у моря.

Я вырос на этих улицах, теперь наступил черед Карл-Янкеля, но за меня не дрались так, как дерутся за него, мало кому было дела до меня.

— Не может быть, — шептал я себе, — чтобы ты не был счастлив, Карл-Янкель... Не может быть, чтобы ты не был счастливее меня..."

Так писал и говорил Бабель. А думал... Трудно сказать. Вот его конармейские дневники. Вот "Конармия". Все совпадает.

Но можно ли, пройдя "Конармию", писать о счастливом будущем, надеяться, нет, верить в него? Это для меня загадка. Но так было. Да и не обо мне речь, а о Паустовском.

Я вот все думаю, почему Паустовский в книге "Время больших ожиданий" ни словом не об-

молвился о том, что в Одессе он жил не один, а с женой, и она делила с ним голод и невзгоды. Наверное, потому, что книга во многом придумана, что невзгоды в ней невелики, что всегда находился выход... Пусть не он сам его находил, а кто-то из друзей. И он отдает им мысли и решения, которые не решается озвучить сам. Но не всегда это получается.

"...В Одессу революция принесла с собой не только сложившиеся на севере формы государственности и быта, но и привела на черноморский юг новых людей, воспитанных революционной бурей и чуждых практическому опыту обывателя-одессита. Появились решительные и неумолимые люди (их всех одесситы без всякого разбора звали "комиссарами"), точно знавшие, что нужно для победы революционно-го сознания среди пестрого, чрезмерно экспансивного и склонного к анархическим поступкам населения Одессы..."

Сравните с бунинским:

"...Третий год только низость, только грязь, только зверство. Ну, хоть бы на смех, на потеху что-нибудь уж не то что хорошее, а просто обыкновенное, что-нибудь просто другое!

"Революция — стихия..."

Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются. А революцию всегда "углубляют".

Видно, что Паустовский изо всех сил пытается отринуть бунинские взгляды, я бы даже сказал — бунинское учение. Он все время ищет или придумывает что-то светлое, что-то хорошее.

"...Я невольно поддвечивал и подсвечивал жизнь. Мне это нравилось. Она от этого наполнялась в моих глазах добавочной прелестью..."

И была, была эта прелесть. В пустынном Австрийском пляже, в море, в одиночестве... И, конечно, в грусти по прошлому.

"...До этого пляжа идти из города было дальше, чем до большого Ланжероновского. Поэтому на Австрийский пляж ходили только любители безлюдья. А может быть, и любители той морской старины, какая сохранилась главным образом на гравюрах в желтевших журналах. Потому что на Австрийский пляж надо было идти через порт, мимо вросших в землю, разряженных шарообразных мин и окрашенных в желтый и красный цвет бுவев, мимо каменных трапов к воде и сигнальных мачт, старых шаланд и бухт истлевшего каната, наконец, мимо загадочного маленького дома на молу с белой башенкой и проржавленным балконом..."

Дорога к тишине и покою через уничтоженное прошлое и безрадостное настоящее.

Но если прошлое и настоящее погублены, каким станет будущее?

"...Комиссар внутренних дел коммун Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обожженные бессонницей, разрыленные, запущенные веки. Меня сделали переводчиком при Иностранном отделе. Я получил солдатское обмундирование и талоны на обед. В отведенном мне углу зала бывшего Петербургского градоначальства я принялся за перевод показаний, данных дипломатами, поджигателями и шпионами. Не прошло и дня, как все у меня было — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме как в нашей стране..."

Так писал Бабель.

"...Необыкновенно коротка показалась Дерибасовская, необыкновенно близки самые дальние здания, замыкающие ее, а потом Екатерининская, закутанный тряпками памятник, дом Левашова, где теперь чрезвычайка, и море — маленькое, плоское, все как на ладони. И с какой-то живостью, ясностью, с какой-то отрешенностью, в которой уже не было ни скорби, ни ужаса, а было только какое-то веселое отчаяние, вдруг осознал уж как будто совсем до конца все, что творится в Одессе и во всей России..."

Так навек прощался, предвидя будущее, Бунин.

И опять. А что Паустовский?

"Я прочел приказ Одесского губисполкома о том, что в целях экспроприации у имущих классов богатств, являющихся отныне народным достоянием, в Одессе объявляется "День мирного восстания". В этот день у всех без исключения граждан будут отобраны излишки вещей и продовольствия, кроме самых необходимых, указанных в списке. Я посмотрел этот список. Там было напечатано: "Оставить в пользовании каждого гражданина комплект верхней носильной одежды, комплект белья, пару ботинок (кроме сапог), головной убор" и так далее, вплоть до "одной ложки столовой и одной чайной, ножа, вилки, кружки, самой необходимой посуды для варки пищи и ста граммов сахара (...)

"В случае нахождения золота и драгоценных вещей, иностранной валюты, а также предметов роскоши и спекуляции скрывающие их лица будут преданы суду, как за измену Родине и контрреволюцию".

Много горечи, правда?

А Бунин? Он ведь тоже написал об этом дне!

"Ужасное утро! Пошел к Д., он в двух штанах, в двух рубашках, говорит, что "день мирного восстания" уже начался, грабеж уже идет; боится, что отнимут вторую пару штанов. Вышли вместе. По Дерибасовской несется отряд всадников, среди них автомобиль, с воем, переходящим в самую высокую ноту. Встретили Овсянко-Куликовского. Говорит: "Душу раздирающие слухи, всю ночь шли расстрелы, сейчас грабят"

Похоже, правда?

Бунин уехал. А Паустовский остался.

Вот мы говорим: "Серебряный век". Да, был такой. А каким же тогда именем назвать время, давшее миру не одного, не двух, а десятки великоколпных одесских писателей? Писателей, оказавших огромное влияние на всю русскую литературу того периода. Можно ли вообще, говоря о литературе начала XX века, обойтись без имен Олеши, Бабеля, Катаева, Ильфа и Петрова, Баррицкого, Нарбута, Шенгели, Штейнберга?..

Заметьте: в этом списке должно быть и имя Паустовского, много писавшего в Одессе, но нет И.А. Бунина, написавшего тут свои лучшие рассказы.

Именно во время ожидаемых "больших перемен" начинали эти писатели и поэты. И все происходило на глазах Константина Паустовского. Вернее, вместе с ним!

"...Как описать то веселое и вместе с тем печальное лето 1921 года на Фонтане, когда мы жили вместе? Веселым его делала наша молодость, а печальным оно казалось от постоянной легкой тревоги на сердце. А может быть, отчасти и от непроницаемых кожных ночей. Они опускали свой полог совсем рядом с нами, за первой же каменной ступенью нашей террасы..."

Молодость и тревога. Просто тревога. Наверное, надежды. Нет, точно, надежды. Все это, пропущенное через душу и разум, и было творчеством. Из газетчика и журналиста рождался большой писатель, принявший на себя всю тяжесть выпавшего ему века.

Закрылся "Моряк", потом снова открылся. Писатели и поэты стали покидать Одессу. Она была им уже мала... Уехал и Паустовский. Знаете, ведь только его и Катаева жизнь закончилась благополучно. Благополучно... "Умер в своей постели"...

И, в общем-то, чуда не произошло. Ожидания не сбылись. Зато было творчество. Паустовский написал много книг. Прекрасных книг...

В декабре 1981 года по пути из Узени в Красноводск и далее машины наши неожиданно выскочили на берег залива Кара-Богаз-Гол. Правое колесо подымало фонтан соленой-пресолоеной воды, а левое мчало по песку.

— Останови! — вдруг попросил я водителя.

"ЗИЛ" встал. Я выскочил из кабины прямо в соленую воду залива, раскинул зачем-то руки и заорал:

— Здравствуйте, Константин Георгиевич!

Зима 1981 года. До перемен оставалось не так много времени. Но никто еще об этом не знал.

Евгений ДЕМЕНОК

15 интересных фактов о Кипре, которые одесситы могли не знать

1. Государственные организации, коммунальные учреждения, банки и многие другие компании на Кипре начинают работу в 07:30 утра; занятия в школах начинаются не позже восьми. При этом активная ночная жизнь киприотов в кафе, клубах и ресторанах стартует не раньше 9 часов вечера и продолжается минимум до 2 — 3 часов ночи. Как киприоты умудряются в таких условиях сохранять бодрость, свежесть и всегда прекрасное настроение, можно понять, только пожив на Кипре какое-то время.

2. Во время кипро-архаического периода, в VIII — IV веках до нашей эры, вся территория острова была поделена между десятью городами-государствами. В 673 году до нашей эры ассирийский царь Асархаддон перечислил их на глиняных табличках. Это были Пафос, Курион, Аматус, Китион, Саламин, Китры, Идалион, Ледра, Тамассос и Сола. Город Сола, или Соли, назван в честь легендарного афинского политика и поэта Солон, одного из "Семи мудрецов" Древней Греции, который во время своего десятилетнего путешествия неоднократно бывал на Кипре и подкасал своему другу, царю Сол Филокипру, перенести город в более удобное место, ближе к морю. По версии Валерия Максима, Солон умер и погребён на Кипре. Великий философ Платон возводил свой род к брату Солон, Дропиду.

3. Именно от Солон услышал историю Атлантиды прапрапрадед Платона; он рассказал её прадеду Платону Критию, и благодаря величайшему греческому философу знаем её и мы. По одной из версий, Кипр является частью Атлантиды, вершиной горы. Ушедшая под воду другая часть соединяла Кипр с территорией сегодняшней Сирии — об этом пишет Плиний Старший. Возникший в результате столкновения двух литосферных плит, Африканской и Евразийской, Кипр был одно время соединён с материками — и с Африкой, и с Азией, что не могло не сказаться на фауне острова. В IX веке до нашей эры на Кипре обитали карликовые слоны и бегемоты — им просто не хватало пищи для того, чтобы вырасти до нормальных размеров; весили они около 200 килограммов, а рост бегемотов не превышал восьмидесяти сантиметров. Скорее всего, они были уничтожены первобытными охотниками — ведь первые поселения на Кипре датируются XII — X веками до нашей эры. При раскопках поселения Аэтокремнос на мысе Акротири, расположенном на юге острова, недалеко от

современного Лимассола, было обнаружено множество их костей.

На острове найдены чуть ли не первые колодцы в истории человечества — им сегодня более 12 тысяч лет. Древнейшие обнаруженные на Кипре неолитические и халколитические поселения, датируемые VII веком до нашей эры: Хирокития, Эrimi и Сотира.

4. В первую очередь мы знаем Кипр как родину Афродиты, которая вышла из морской пены у скалы, называемой Петра-ту-Ромиу, расположенной в 15 километрах от города Пафос. Согласно Овидию, название своё город получил по имени дочери Пигмалиона и Галатеи; согласно другим версиям, Пафос был их сыном. Широко известно, что Пигмалион был кипрским скульптором, и оживить Галатею помогла ему именно Афродита. Однако Пигмалион далеко не так прост. Отцом его был Бел, или же Ваал (да-да, тот самый Ваал), матерью — Анхиноя, дочь речного бога Нила и внучка Океана, дедом — сам Посейдон, а одной из племянниц — Европа. Неполюбовные родственные связи, не правда ли? Существует мнение, что Пигмалион был отнюдь не простым скульптором, а полновластным царём Кипра, поставленным на царство своим отцом, всемогущим Ваалом. Следующим царём стал Кинир, ведший свою родословную от правивших сирийских династий и женившийся на дочери Пигмалиона и Галатеи, Мефарме. Правда, Овидий пишет, что Кинир был сыном Пафоса, но это уже не столь важно. Важно то, что именно он основал город Пафос, который сохранил своё название до наших времён. У Кинира и Мефармы было десять детей, самые известные из них — дочь Эвна, ставшая супругой первого царя Саламина, Тевкра; Мирра и Адонис. Адонис, родившийся у Кинира от собственной дочери, Мирры, был настолько прекрасен, что в него влюбилась... сама Афродита. Купальня, в которой Адонис и Афродита предавались любовным утехам, находится неподалёку от города Полис на северо-западе острова.

Всемирно известный Пафосский храм Афродиты (находящийся ныне в деревне Куклия, в бывшем Палео-Пафосе), возведённый царем Киниром около 1200 года до н. э. на высоком холме, недалеко от места, где богиня, по преданию, вышла на берег Кипра, простоял многие века, неизменно привлекая к себе паломников со всего мира. Всемирное значение Пафосского святилища Афродиты как религиозно-мистического центра Средиземноморья стало угасать с наступлением эпохи христианства.

5. Самый частый эпитет для описания Афродиты — "золотистая". Когда она, златовласая, вышла на морской берег, богини времён года, оры, облекли её в златотканую одежду, увенчали золотым венцом, украсили золотым ожерельем и серьгами. Символическим цветом богини считается зелёный — цвет неуязвимой природы. Поэтому не случайно в одной из самых популярных на Кипре песен, музыка для которой написал знаменитый греческий композитор Микис Теодоракис, киприоты поют о своей родине как о "зелёно-золотом листе, брошенном в море":

Земля лимонных и оливковых деревьев,
Земля объятий и радости,
Земля сосен и кипарисов,
Земля героев и любви —
Все это ты, зелёно-золотой лист,
брошенный в море!

Земля выжженных солнцем долин,
Земля скорбящей Богоматери,
Земля суховея.
Несправедливости и смерти,
суровых испытаний —
И это тоже ты, зелёно-золотой лист,
брошенный в море!

Зелень покрытых хвойными лесами гор и золото выжженных солнцем долин — основные краски Кипра. Зелёный и золотой цвета присутствуют и на государственном флаге, и на гербе республики. Золотой силуэт Кипра обрамлен зелёными оливковыми ветвями... Это символы свободы и мира, к которым так стремятся киприоты.

6. Фраппе, он же холодный кофе — самый популярный на Кипре напиток. Киприоты любят пить его без молока и без сахара, "скето"; мы же, наоборот, просим добавлять побольше молока и сахара. Культура питья кофе существует на Кипре с незапамятных времён, и в многочисленных кофейнях всегда множество посетителей. Существует даже шутка о том, как определить, насколько приехавший на Кипр турист адаптировался к местной жизни. Если вы пригласили друзей в кофейню поболтать и собираетесь уйти через полчаса, то вы, вероятно, просто решили удивить их своей скоростью. Если встреча на кофе длится два часа, значит, вы уже немного разбираетесь в кипрской культуре. Если же встреча продолжается пять часов и больше — вы свой. Безусловно, это шутка, но в каждой шутке, как известно, есть доля шутки, остальное — правда. Рабочий день у многих начинается и заканчивается в

кофейне; если же времени и возможности выйти с работы нет, кофе заказывают прямо в офис. Несмотря на размеренный темп жизни, доход на душу населения на Кипре составляет около 25 тысяч долларов США в год, а минимальная зарплата — около тысячи евро в месяц, что, например, почти в 10 раз больше, чем в Украине. Киприоты живут не по принципу "Давайте сначала решим все проблемы и начнём жить", а, наоборот, придерживаются другого принципа: "Давайте жить и наслаждаться жизнью, а проблемы будем решать по дороге".

7. Кипр и Троя. Что у них может быть общего? Выясняется, что общего очень много.

В VII веке до нашей эры была создана древнегреческая эпическая поэма "Киприи", повествующая о мифических событиях, ставших причиной Троянской войны, о начале войны и её первых битвах. "Киприи" можно рассматривать как предысторию "Илиады", поэма входит в так называемый "Эпический цикл". Начинается поэма с рассказа о том, как Гея страдала от множества людей, переполнивших Землю. Зевс сжалился и решил устроить войну, чтобы облегчить её ношу. Авторство поэмы приписывали самому Гомеру — возможно, отсюда пошла легенда о том, что сам он родом с Кипра. По наиболее распространённой версии, Гомер передал поэму в качестве приданого за свою дочь легендарному поэту Стасину, которого называют Кипрским.

Гораздо позже римский поэт Нинний Красс написал "Кипрскую Илиаду" — переработку "Киприй".

Псевдо-Аполлодор рассказывает нам, что ещё перед началом Троянской войны, когда Парис уговорил Елену отплыть с ним в Трою, разгневанная Гера наслала сильную бурю, и они причалили к берегу Кипра, где провели много времени. Кроме Париса с Еленой на Кипре перед началом войны побывали и брат Агамемнона Менелай вместе с Одиссеем. Они потребовали от царя Кинира выделить для участия в походе пятьдесят кораблей. Кинир передал им роскошные доспехи как дар Агамемнону — тот будет сражаться в них под стенами Трои; а также обещал выслать пятьдесят боевых кораблей, но... обманул греков. В назначенный день к греческим берегам подошёл лишь один корабль, кормчий которого по указанию Кинира опустил на воду сорок девять игрушечных глиняных корабликов, тем самым формально выполнив обещание. При раскопках в древнем кипрском городе Аматусе было найдено множество подобных корабликов — считается, что их клали в могилы царям для путешествия в мир мёртвых. Агамемнон был страшно разгневан поступком Кинира, но времени и возможности отомстить у него не было.

После окончания Троянской войны многие эллины, возвращаясь в родные места, волею судеб оказались на Кипре. Самый известный из них, пожалуй, брат Аякса Тевкр. После возвращения на родной Саламин он был незаслуженно проклят отцом за то, что не спас брата, и изгнан из дому. По указанию Аполлона он переселился на Кипр, который прошёл с запада на восток и основал на восточном побережье город Саламин — в память о своей родине.

Кроме Тевкра на Кипре оказался один из предводителей аркадцев, царь Теги Агапелор со своим войском. Сыновья Тесея, Акамонт и Демофонт, также поселились на Кипре. Демофонт основал город Эпею, которую Филокипр позднее переименовал в Сола.

Царица Дидона, сестра Пигмалиона, основала знаменитый Карфаген, куда прибыл бежавший из Трои Эней. "Парубок моторный" и Дидона полюбили друг друга, и, возможно, Эней так и остался бы в Карфагене, если бы не Зевс, через Гермеса напомнивший ему о великой миссии — плыть к берегам Италии и основать там великое государство, новую Трою. А если вспомнить, что матерью Энея была Афродита, мы вновь и вновь возвращаемся к Кипру.

8. Самое ценное на Кипре — это деревни. Именно в деревнях, в отличие от космополитичных городов, сохранился сам дух острова, сама его суть. Каждая деревня уникальна и прекрасна, в каждой можно найти свою жемчужину — будь то церковь XV века или небольшой музей. Центр деревни обычно вымощен красно-оранжевой плиткой, и в нём обязательно находятся пять неприменных заведений, пять атрибутов любого кипрского поселения. Во-первых, это клуб, или же культурный центр, всегда находящийся в прекрасном со-

В этих скалах родилась Афродита. Фото Е. Деменка

стоянии, просторный и оборудованный всем необходимым для отдыха мужчин. Да-да, женщин в клубе вы практически никогда не увидите. Я, например, не видел. В клубе есть один или несколько залов, просторная кухня, телевизор и столики для игры в нарды; заполнен клуб обычно вечером, тут смотрят футбол, играют, пьют кофе и узо и обсуждают местные новости и мировые проблемы. Рядом с клубом обычно расположен небольшой открытый амфитеатр — тут проводятся спектакли и концерты. Следующий неперенный атрибут центра деревни — кафенио, небольшое или, наоборот, большое кафе в традиционном стиле. Затем — обязательно — "bet", букмекерская контора, где азартные киприоты делают ставки на результаты спортивных соревнований. Обычно это футбол и скачки. Ну, и два последних — периптеро, или киоск, где можно купить всё необходимое, и парикмахерская, часто с почти что антикварными креслами и таким же парикмахером. Если вы видите все эти заведения вместе, значит, всё в порядке и основы кипрского мироздания не потревожены.

9. Правители на Кипре сменялись не только в результате наследования или военных завоеваний. Остров продавали и даже дарили. Например, великий Юлий Цезарь преподнёс его в подарок Клеопатре, той самой знаменитой Клеопатре, которая была седьмой, последней, царицей в роду Птолемеев, и её брату Птолемею XIII. Правда, это был не любовный жест, а политический шаг. Более тысячи лет спустя Ричард Львиное Сердце, который 11 мая 1191 года именно на Кипре, в Лимассоле, обвенчался со своей невестой, принцессой Беренгарией Наваррской, а затем был коронован как король Англии, продал остров за 100 тысяч безантов Ордену тамплиеров, которые так и не смогли выплатить полную цену. В итоге Ричард перепродал остров бывшему королю Иерусалима Ги де Лузиньяну — тот вернул тамплиерам задаток в размере 40 тысяч и доплатил Ричарду оставшиеся 60 тысяч безантов. Так начался франкский период в истории Кипра.

Ну а уже в новой истории Великобритания взяла остров в аренду у Османской империи. Произошло это так: во время русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов Турция несла значительные потери, и Великобритания предложила ей свою помощь, но не безвозмездно — для размещения своих войск британцам нужен был Кипр, занимающий стратегическое положение в Восточном Средиземноморье. 4 июня 1878 года между Османской империей и Великобританией было подписано лизинговое соглашение, согласно которому остров остаётся в собственности турок. Пятого ноября 1914 года, учитывая то, что Турция вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, Великобритания объявила об отмене лизингового соглашения с Турцией, а также о том, что Кипр теперь является частью империи. 24 июля 1923 года в Лозаннском мирном договоре, подписанном странами Антанты и Турцией, принадлежность Кипра к Великобритании была признана официально.

10. История христианизации Кипра захватывающая и удивительная. После начала гонений на христиан в Иудее многие из них оказались на Кипре. Главной персоной, одним из наиболее известных и почитаемых на острове людей стал родившийся на Кипре Иосиф из рода Леви, святой апостол Варнава, принявший христианство и основавший Кипрскую церковь. Именно через него в христианскую общину был принят Савл, будущий апостол Павел; Варнава и Павел вместе учились у рабана Гамлиэля ха-Хакена в Иерусалиме. В 45 году нашей эры, когда Кипр входил в состав Римской империи, Варнава, его племянник Марк-Иоанн, которого большинство современных исследователей считают тем самым апостолом Марком-евангелистом, который погребён нынче в Венеции, и апостол Павел прибывают на Кипр, в родной город Варнавы, Саламис, и проходят весь остров с востока на запад, проповедуя христианское учение в основном среди евреев, в синагогах. В горной деревне Калопанайотис есть памятный знак у места, где Павел и Варнава крестили Ираклидия — первого епископа Кипрской церкви. Путь апостолов лежал в Пафос, который был тогда столицей острова. В Пафосе находилась резиденция римского проконсула Сергия Павла, который призвал к себе Марка, Павла и Варнаву, чтобы узнать больше о слове Божием. Состоявший при проконсуле иудейский маг и чародей Елима пытался воспрепятствовать этому, но апостол Павел поразил его временной слепотой. В результате Сергей Павел стал первым в истории римским проконсулом, принявшим христианство.

Традиционные христианские тексты указывают, что в 61 году Варнава был убит своими соотечественниками после диспута в одной из синагог в Саламисе. Апостол Марк, который был свидетелем этого, похоронил его. Мощи святого были обретены в 478 году ар-

хиепископом Анфемием Кипрским, которому трижды являлся ночью святой Варнава и указывал место своего погребения. И действительно: Анфемий, следуя указаниям апостола, обнаружил недалеко от Саламиса, в пещере под рожковым деревом, гробницу святого Варнавы. На груди апостола лежало переписанное его рукой Евангелие от Матфея, по преданию, положенное в могилу самим евангелистом Марком.

Обретение мощей апостола Варнавы и находка евангелия стали решающими аргументами в деле обретения Кипрской церковью автокефалии. Анфемий отправился в Константинополь и подарил евангелие и часть мощей императору Флавию Зенону, в результате чего собравшийся по настоянию императора Синод подтвердил решение Третьего Вселенского Собора об автокефалии Кипрской церкви. С тех пор архиепископы Кипра имеют право подписывать официальные документы киноварью, носить пурпурную мантию и императорский скипетр. После возвращения на Кипр архиепископ Анфемий на средства императора Флавиуса Зенона возвёл на месте обретения мощей монастырь апостола Варнавы; сейчас монастырь находится на территории Северного Кипра.

Интересно, что святому Варнаве посвящён знаменитый Ноттингемский собор в Англии.

11. Несмотря на оккупацию в 1974 году турецкими войсками 36 процентов территории острова (Кипр — третий по размеру остров в Средиземном море после Сицилии и Сардинии, его площадь составляет 9251 кв. км, население — около 1,15 миллиона жителей), международным признанием в качестве единственного на острове законного государства пользуется только созданная 1 октября 1960 года Республика Кипр. Суверенитет её м формально распространяется на всю территорию Кипра, поэтому жители, перемещённые с северных территорий, всё ещё числятся жителями оккупированных городов и деревень и выбирают своих мэров. Таким образом, у Фамагусты, Кирении, Морфу есть свои мэры из числа греков-киприотов, все мэрии оккупированных городов находятся в Никосии. У каждого из оккупированных районов, или епархий, есть также свой митрополит. При этом провозглашённая в 1983 году Турецкая Республика Северного Кипра никем, кроме Турции, в мире не признана. Самолёты, например, летают туда только с территории Турции. Тем не менее, сама Турция до сих пор официально не признаёт Республику Кипр, несмотря на то, что Кипр является членом ЕС и всех основных европейских и мировых организаций. На турецких картах южная территория Республики Кипр обозначается как "Временная греческая администрация Южного Кипра". В свою очередь, на территорию Республики Кипр невозможно попасть, если вы прибыли на остров из Турции или через порты и аэропорт на Северном Кипре.

Сегодня сообщение между обеими частями острова значительно упростилось. Более того, множество турок-киприотов, которые родились на Кипре, а не приехали на Северный Кипр из Турции, а их сегодня на территории ТРСК не более одной трети из 300-тысячного населения севера, обращаются за паспортами Республики Кипр и без проблем получают их. Паспорт страны, входящей в ЕС, ещё никому не помешал.

Интересный факт: в Северной Никосии находятся резиденции послов США и Британии, это не означает признания этими странами ТРСК, скорее, наоборот — посольства находились там до войны 1974 года, и смена их местоположения продемонстрировала бы, что США и Великобритания не признают суверенитет Республики Кипр над всей территорией острова.

12. С Кипром непосредственно связаны два лауреата Нобелевской премии.

Первый из них — один из крупнейших греческих поэтов XX века Йоргос Сеферис, в 1963 году удостоенный Нобелевской премии по литературе. Сеферис родился в 1900 году недалеко от Смирны, учился в школе в Афинах, в 1925 году окончил юридический факультет Сорбонны и начал дипломатическую карьеру, венцом которой стала пятилетняя каденция в качестве посла Греции в Великобритании с 1957 по 1962 год.

Сеферис впервые приехал на Кипр в ноябре 1953 года и моментально влюбился в остров — весь уклад жизни киприотов напоминал ему о детских годах. Поэт писал о "Кипре, зацелованном волной, созданном напоминать мне родину". На Кипре впервые после почти семилетнего перерыва к Сеферису вернулись стихи. Сборник его стихов "Imerologio Katastromatos III" был вдохновлён Кипром. Как дипломат, Сеферис принимал активное участие в разрешении кипрского конфликта.

Йоргос Сеферис неоднократно останавливался в Платресе, горной деревне в Троодосе. "А в Платрах соловьи тебе всю ночь уснуть мешают", — писал Сеферис в стихотворении "Елена". Сегодня в Платресе от-

крыт "Зал Йоргоса Сефериса", культурный центр, в котором действует постоянная выставка, посвящённая творчеству первого греческого Нобелевского лауреата в области литературы.

Второй лауреат — это Кристофер Писсаридес, получивший (совместно с Питером Даймондом и Дейлом Мортенсенсом) премию в области экономики совсем недавно, в 2010 году, за создание теории взаимодействия между рынком труда и макроэкономикой. Сегодня эта теория является одной из основных моделей экономики. Кристофер Антону Писсаридес родился в 1948 году в Никосии, в семье греков-киприотов, перебравшихся в столицу из кипрской деревни Агрос. После окончания Панкипрской гимназии он поступил в университет Эссекса в Великобритании, где получил в 1971 году степень магистра. После этого он продолжил свою научную деятельность под руководством японского экономиста и математика Митио Морисимы в Лондонской школе экономики и политических наук, где в 1973 году получил докторскую степень. С 1976 года Писсаридес является профессором Лондонской школы экономики и председателем лондонского Центра макроэкономики; в 2011-м он стал почётным членом Американской экономической ассоциации и был также избран президентом Европейской экономической ассоциации, в 2013 году посвящён королевой Великобритании в рыцари. Сейчас Кристофер Писсаридес живёт в Лондоне и на Кипре, он является профессором Университета Кипра и председателем Национального совета по экономическим вопросам Республики Кипр.

13. Кипр стал источником вдохновения для многих литераторов. Один из самых известных примеров — пьеса Уильяма Шекспира "Отелло". Венецианский мавр, история которого была пересказана Шекспиром, использовавшим в качестве первоисточника новеллу итальянского писателя и учёного Джованни Батисты Джиральди по прозвищу Чинтио, душил Дездемону не где-нибудь, а именно на Кипре, в Фамагусте. Любой экскурсовод покажет вам сегодня башню Отелло. По наиболее распространённой версии, прототипом Отелло послужил венецианский комендант Кипра Христофоро Моро, управлявший островом в 1505 — 1507 годах, который, по иронии судьбы, мавром как раз и не был.

Одна из наиболее известных британских писательниц XX века Дафна Дю Морье, как и Йоргос Сеферис, была вдохновлена горами Троодоса. В 1936 и 1937 годах она дважды приезжала на Кипр; в первый раз она провела на острове сентябрь 1936 года, остановившись с мужем и дочерью в "Forest Park Hotel" в Платресе. Мы тоже останавливались в этом отеле и видели запись, сделанную Дафной в гостевой книге отеля. В свой первый приезд писательница завершила семейную хронику "The Du Mauriers". Именно на Кипре была написана большая часть самого, пожалуй, знаменитого романа Дю Морье, "Ребекка", экранизированного в 1940 году великим Альфредом Хичкоком; фильм получил две статуэтки "Оскар". Трудно представить, как Дафне Дю Морье удалось написать триллер в готическом стиле, находясь в идиллической атмосфере горного Кипра. Думаю, это было непросто.

Писатель Лоренс Даррелл, брат другого писателя и натуралиста Джеральда Даррелла, широко известного своими книгами о животных, горячо любил Грецию и хорошо знал греческий язык. После жизни на Корфу, Крите, в Александрии и на Родосе Даррелл перебрался в Белград, где работал пресс-атташе британского посольства. Из Югославии писатель переезжает на Кипр. Он жил на Кипре с 26 января 1953-го по 26 августа 1956 года. Лоренс Даррелл купил себе небольшой дом в Беллапаисе, недалеко от Кирении, и преподавал английский язык в Панкипрской гимназии в Никосии — той самой, которую окончил много лет спустя нобелевский лауреат Кристофер Писсаридес. В 1954 году Даррелл возглавил департамент по связям с общественностью колониального правительства Кипра и стал редактором журнала "Cyprus Review". Кипр дал Лоренсу Дарреллу вдохновение — основное время он посвящает творчеству; в своей переписке с Генри Миллером Даррелл упоминает, что с марта 1953 года начал писать роман "Жюстин", первую книгу своего знаменитого "Александрийского квартета". Он закончил "Жюстин" летом 1956 года, в то время как на острове начала разгораться антиколониальная борьба. Свои впечатления и воспоминания о Кипре Лоренс Даррелл описал в романе "Горькие лимоны", который был написан всего за шесть недель и опубликован в 1957 году; роман немедленно стал бестселлером и был удостоен литературной премии "Duff Cooper Prize". "Горькие лимоны" вызвали большой отклик в греческой литературе — в диалог с Дарреллом вступили кипрский поэт и новеллист Костас Монтис и греческий писатель и дипломат Костас Руфос.

Кстати, писать книги о животных Джеральд Даррелл начал именно по совету своего старшего брата.

Уже в наши дни события войны 1974 года стали основой сюжета романа "Рассвет" британской писательницы Виктории Хислоп.

14. Вскоре после создания в 1814 году в Одессе тайной греческой революционной организации "Филики Этерия" греки-киприоты приняли активное участие в её деятельности. Архиепископ Киприан и митрополиты с 1818 года стали членами "Филики Этерия" — на остров тогда прибыли трое этеристов, местом их встреч был подземный ход, соединяющий Панкипрскую гимназию, открытую в 1812 году Киприаном, и находящуюся напротив Архиепископию. Киприоты со всех концов острова тайно отправлялись в Грецию воевать.

Генерал-майор русской армии участник войны 1812 года Александр Ипсиланти возглавил организацию в 1820 году и вскоре через этериста Димитриоса Ипатроса спросил Киприана, примкнёт ли Кипр к вооружённой борьбе. Киприан ответил, что Кипр, не имеющий ни вооружённых формирований, ни флота, поможет революции деньгами и снабжением. 8 октября 1820 года Ипсиланти через этериста Анастасиоса Пелопоннеса передал архиепископу из Измаила письмо благодарности, сообщив, что "открытие школы (то есть революция) приближается".

6 марта 1821 года началось восстание, 1 мая Ипсиланти был разбит турками у Галаца, в июне этеристы потерпели поражение при Драгашанах. 10 апреля 1821 года, в первый день Пасхи, в Константинополе был повешен Константинопольский Патриарх Григорий V, чьё тело было впоследствии переправлено в Одессу и погребено в Свято-Троицком греческом соборе. На Кипре развернулись не менее драматичные события. Турецкий наместник Кучук Мехмет арестовал многих видных киприотов и приступил к конфискации оружия. Ситуация ухудшалась, и Киприану посоветовали покинуть остров. Архиепископ отказался покидать свою паству. 9 июля 1821 года Кучук Мехмет обязал всё православное духовенство острова явиться в Никосию. В этот день архиепископа Киприана публично повесили, трёх епископов обезглавили. Всего за пять дней кровавой расправы были убиты 476 священнослужителей и несколько тысяч мирян.

Сегодня греки-киприоты вместе со всей Грецией каждый год торжественно отмечают 25 марта — именно в этот день в 1821 году началось восстание в Пелопоннесе и была провозглашена независимость Греции. До обретения независимости Кипром оставалось тогда ещё почти сто сорок лет.

15. Старейший в Украине Одесский археологический музей был основан в 1825 году как Одесский городской музей древностей. Сегодня в фондах музея хранится самая большая коллекция археологических источников по древней истории Северного Причерноморья — основной фонд музея составляют более 170 тысяч экспонатов. Здание, в котором находится сейчас музей, было построено в 1883 году по проекту архитектора Феликса Гонсиоровского в основном на средства городского головы Одессы Григория Григорьевича Маразли; среди меценатов музея — чета Воронцовых, основатель и первый директор музея Иван Петрович Блаرامберг; дальний потомок византийских императоров князь Родийон Николаевич Кантакузин, граф Потоцкий. А уже в наше время здание отреставрировано и отреставрировано за счёт средств созданного в 1979 году Фонда Анастасиоса Левентиса, бизнесмена и мецената, уроженца Кипра. А.Г. Левентис (1902 — 1978) был первым почётным представителем Кипра в ЮНЕСКО. В общей сложности Фонд Левентиса вложил в ремонт и модернизацию музея около миллиона долларов США. На первом этапе был издан каталог кипрских и греческих древностей из коллекции музея (коллекция кипрской скульптуры является гордостью античного собрания музея); на втором этапе были отреставрированы основные залы первого этажа и вестибюль, заменены крыша, электрические сети и канализация; на третьем этапе изготовлены новые музейные витрины.

Программа помощи от Фонда Левентиса начала действовать в 2000 году, а предшествовало этому посещение музея Васосом Карагиоргасом, советником Фонда по вопросам археологии. Он приехал в Одессу изучать памятники кипрской культуры и узнал о тяжёлом положении, в котором находился музей. Отреставрированный и отреставрированный музей открыл свои двери в 2003 году, на открытии присутствовал председатель Фонда А.П. Левентис.

Одесситам будет приятно узнать, что галереи Фонда А.Г. Левентиса, представляющие античные кипрские экспонаты от начала бронзового эры и до конца римского владычества, открыты также в Британском музее, музее Фицуильяма в Кембридже и в музее Метрополитен в Нью-Йорке.

Арсения ВЕЛИКАЯ

Курортный доктор

Тихое безветренное утро. Зеркало Куяльника лежит, упокоившись между двумя высокими берегами, с торжествующим вызовом. "Я многое видело, я многое знаю, я многое помню".

Берега, сцементированные лиманной солью, колючки серебристых мелких маслин, камыши в старом русле реки, солончаки, вольные счастливые птицы. Кто только не любил этой далью на протяжении веков... Не искал помощи, не лечился ласковой грязью, жарким солнцем, выталкивающей из себя на поверхность, плотной рапой.

Сегодня в идеально ровной поверхности лимана отражаются три исполы — порождение позднего застойного соцарта. Три корпуса санатория, в которых недавно исчезнувший с карты мира СССР желал облегчить участь истрепанных от непосильных трудов членов трудовых коллективов. (Хоть это было очередной советской фикцией т. к. из членов трудовых коллективов здесь чаще всего отдыхали снабженцы, бухгалтеры, профорг, кадровики и секретарши.)

Поэтому куяльницкое зеркало часто мутнело, темнело, взъерошивалось колючей рябью, злилось.

Ему трудно было сначала это пережить.

Когда среди тихого, безмятежного, гармоничного пейзажа с парком, маленькими особнячками (дачами почтенных горожан Одессы, а впоследствии советскими санаториями — им. Карла Маркса, им. Семашко, им. Кагановича...), с огромным зданием водогрязелечебницы, крабом распластавшимся на берегу лимана, прудом с концертной "ракушкой" вдруг, как грозный одинокий палец, стал расти непонятный истукан. Он вырывался вверх над башенками маленьких дворцов, куполами церкви Пантелеймона-целителя, потом выше, над всей Жеваховой горой и даже над венчающей ее высокой каменной аркой.

Тогда вокруг все опешили: местные жители, постоянные отдыхающие, доктора санатория, старожилы, дети... Но тут же стал рваться вверх второй корпус, затем — третий. Ломались все старое, обломки мраморных, бетонных ступенек, гипсовых скульптур и колонн валялись выброшенными на свалку. В этой гряде старых камней еще дымилось и обдавало щемящей тоской недавнее прошлое. Как будто прочная сетка времени, педантично составленная математиками, вдруг стала рваться, продырявливаясь, расплзаясь сразу в нескольких местах, пропуская сквозь себя футуристических исполинов с их однообразно прочерченными пошаговыми этажами.

В свалках "ненужностей" среди прочих разбитых фрагментов и артефактов были остатки одной дореволюционной статуи. Наверное, это была какая-то богиня — может, Аврора, может, Венера. Или просто молодая девушка. Оставшуюся часть статуи кто-то для прикола затопил в воду лимана. У нее не было верха. Только прекрасные точные ноги. Одна из них была чувственно согнута в колене. Статуя, наверное, имела в прошлом романтический, сентиментальный образ. Она еще долго стояла погруженная по голени в воду Куяльника... Устремив на его гладь виртуальный меланхолический взгляд и обратившись к нам спиной и прекрасными округлыми ягодицами.

Эти ягодицы еще долго будоражили ум. Заставляли искать ответы, разгадки всяческим предчувствиям, знакам, тенденциям, гипотезам и снам. Ее сюрреалистический покой искривлял пространство, затягивал в омут. Часто думалось: что же она видит на Куяльнике ночью? Какие игрища и пляски разыгрываются тут перед ее отсутствующим взором?

Но вот корпус отстроен. Вымыты забрызганные известкой стекла, отдраены от пола куски цемента, поклеены обои, внесена мебель.

На медицинские планерки вваливается целая толпа новеньких докторов. Они прибывают и прибывают. Курорт заполняется несметным числом отдыхающих. И их надо кому-то лечить!!!

Санна Львовна Гун первая встречает молодое пополнение. Она ставит свою подпись в медицинских книжках вновь принятых. Только что взятых на работу отделом кадров специалистов. Все неуклюжие, петушистые, шумные, не чувствующие меры, не имеющие такта и не понимающие момента. Сколько же сил надо потратить, чтобы они осознали: "Они работают НА КУЯЛЬНИКЕ".

Затем молодые врачи распределяются по отделениям. Здесь их берут в "суровый оборот" опытные старые врачи.

Яков Рудольфович Абрамсон — гинеколог от Бога. Бесплодия, воспаления, эрозии — все женские проблемы он знает лучше всех.

И знает, чем богат Куяльник с его целебными свойствами. Он стажировал молодое поколение куяльницких гинекологов непосредственно в отделениях грязелечебницы. Яков Рудольфович очень красив. Его стройную, изящную фигуру в белоснежном халате можно часто встретить на аллее, ведущей от водогрязелечебницы к корпусу, или к магазину, или к бювету с минеральной водой. Черные спадающие широкой волной волосы очень гармонируют с модными очками в тонкой золотистой оправе. Ах, как приятно, когда повстречаешься, уважаемый доктор почтенно раскланивается с тобой, тобой — еще ничего не значащей и не имеющей опыта, а тем более — профессиональной репутации.

Стремительной походкой, с копной седеющих волос к лифту подходит сосредоточенная Хася Лазаревна. Он всегда собрана и убедительна. Шлайн Хася Лазаревна — врач-биохимик. Почти всю жизнь она отдала лабораторному делу. В методических указаниях анализов прописано все ясно, но только она знает — лучше реактив взболтать или осторожно

Парк на Куяльницком лимане, фото Б. Левита. 1938 г. Фотография предоставлена OLD.ODESSA.UA.

поставить в темное место. Чтобы полнее растворялась соль, раствор надо подогреть или оставить в эскикаторе на сутки... У Хаси Лазаревны белые халаты с прекрасными, идеально выполненными штопками. Дыры, разеденные кислотами и щелочами, обрабатываются творчески. Заплатки, штопки — ценное украшение стандартной медицинской формы. Прекрасная ручная работа. Здесь, в лаборатории, свой сленг: "Хася Лазаревна, а где ваш депуровый халатик?" (от слова "гипуровый") — иронизируют лаборанты.

К началу рабочего дня к третьему корпусу подъезжает красавец вишневого "Жигуль", и из него степенно выходят доктора. Это невропатолог Борис Израилевич Песок привез своих коллег на работу. Добраться из города на курорт для уважающих себя людей — проблема не из легких. Частных авто почти ни у кого нет. Социалистический образ жизни. Лицемерный лозунг страны дефицита: "Скромность украшает". В гараже санатория "Куяльник" имеются служебные автобусы. В город — врачебный, а на поселок Котовского — сестринский. Неизвестно, кто так называл рейсы автобусов, отвозящих сотрудников по домам, ведь в городе жили как доктора, так и средний мидерсонжал, как и на поселке Котовского тоже). Все же — это жест в сторону респектабельности. На Куяльнике она всегда ценилась. Еще ходил вечно переполненный рейсовый автобус. И только Борис Израилевич, счастливый обладатель колес, мог доставить врачей на службу без проблем. Из машины выходил гинеколог Родик Полина Захаровна, невропатолог Валюк Ольга Ивановна, иногда — кардиолог Саулкина Генриетта Моисеевна или рентгенолог Могилевская Эллина Владимировна. Всех с утра уже ждут под кабинетами отдыхающие, стремящиеся получить на курорте весь спектр возможных процедур и исследований.

Курортный доктор — это особая ипостась. Элита. Закрытое сообщество. Действительно, чем занимающиеся врачи на курорте? Когда все больницы переполнены больными с тяжелыми заболеваниями, производственными травмами, ожогами, трудноизлечимыми хроническими проблемами, связанными с плохими условиями жизни, скудным питанием, неврологическими патологиями... И тут — курортные врачи? Что они вообще печат?

Гроза всей курортной медицины — главный невропатолог Одесского курортного совета Даниил Наумович Вайсфельд. Не дай Бог попасть под его разборку на врачебном семинаре. "Почему нет всех исследований? Чем оправданы Ваши назначения? Где записаны противопоказания?" У Даниила Наумовича взгляд прямо в суть проблемы. Не зря у него пишет диссертации и удачно защищается целая плеяда куяльницких врачей. "Читайте, думайте, учитесь, — неустанно повторяет он. — Остановившись в своем развитии и, как гласит старая немецкая поговорка, будешь глуп, как курортный доктор". Но он-то лучше всех знает, что курортный доктор не глуп. Особенно в СССР, где в санатории люди попадают из такой глубины! Да годами необследованные, не заходившие в кабинет к врачу. С пестрым букетом всяких редчайших патологий. И доктор сразу должен установить диагноз. Главный и сопутствующий. Не зная условий жизни, питания, особенностей климата, инфекционной ситуации, генетических предрасположенностей, условий работы.

на Христа с огромными глазами и русой бордочкой Боря Лейбель, огненно-рыжая Инна Капрова, высокий брюнет стоматолог Саша Попов, сосредоточенная Ира Дворяк, элегантный Игорь Резниченко. Их много — новых лиц Куяльника, и они изо дня в день скрупулезно, ответственно делают свою работу. Возвращают людям утраченное здоровье и радость жизни.

Куяльницкие доктора чаще всего интеллектуалы. Они знают хорошую литературу. Среди советского пропагандистского хлама они имеют, что читать. На планерках часто мелькают редкие книги, ими делятся друг с другом. Из рук в руки передаются неизвестно откуда взявшиеся Зоценко, Булгаков, Арбатова, Искандер, синие номера "Нового мира", красочные обложки "Иностранной литературы".

Ортопед Борис Иванович Стрелков делает прекрасные панорамные фотографии, раз мерами метр, полтора и больше. Черно-белые: пейзажи, портреты, кадры с животными.

— Люда, обязательно своди своих девочек в музей на Пушкинскую. Там открылась прекрасная выставка... — после выходных делится своими эмоциями Хася Лазаревна.

А иногда под настроение в актовом зале поликлиники хирург Ирина Федоровна Файнберг садится за фортепьяно и играет любимую классику своим коллегам.

Ирину Федоровну уважают все. Она берет за самые сложные клинические случаи. Она грамотно умеет читать анализы, сопоставлять патологические синдромы, думать. Именно к ней всегда сотрудники ведут своих родственников и знакомых на консультацию. Ирина Федоровна даже в своем возрасте очень красива. И хорошо одета. Ее шубка из богатого, хорошо выбранного по качеству козлика — предмет зависти куяльницких дам.

На Куяльнике вообще среди общей советской серости и бедности одевались хорошо. Сюда часто заходили "спекулянтки" с товарами с обкомовских баз, из торгсинов и вещами из отделов универмагов "для себя". Кому-то приходили посылки из-за границы. Хорошие итальянские сапоги, испанские дубленки, советские каракули, норки и чернубурки здесь не были редкостью. В летние времена одевались в блузки и пиджаки из Польши, Чехословакии, Румынии, ГДР. Носили стильные иностранные сумки, хорошие перчатки, кашемировые кашне. Благодаря этим вкраплениям в общий советско-серый пейзаж куяльницкие врачи выглядели респектабельно, богато, одним словом — комильфо.

Ну и самым замечательным на Куяльнике было чувство общей большой семьи.

За обеденным чаем обсуждались все служебные коллизии и домашние дела. Беседы часто отличались как жизненностью, так и яркой образностью. "Сестра поссорилась с мужем. Так я ей говорю: "Не знаешь, как помириться? Не усложняй. Живот на живот, и все пройдет", — советует медсестра поликлиники Скаковская Дина Петровна.

— Ну и я говорю, — продолжает лаборант Побережская Нелли Исаковна, — прижмешься к мужу, притрешься до "ньютонских колец", и все проблемы тают. (В лаборатории для исследования препаратов под микроскопом покровное стекло притиралось к предметному до "ньютонских колец" т. е. до появления на стекле радужных облочек...)

— Спасибо главному врачу Исааку Израилевичу, что мы хоть белый свет увидели, — сладко поет дирижаблем начальству ванница Наталья Шершень.

— Это как? — спрашивают сотрудники.

— Так он же перед праздниками нас заставлял окна в грязелечебнице мыть. Вот мы, наконец, белый свет и увидели...

Зима. Метет метель. Падающие снежинки покрывают воду лимана, мгновение катаются на его гребнях и неумолимо тонут в толще воды. Некогда чистая зеркальная гладь бушует и пенится. За три метра не видно ни зги. И где-то далеко растаяли в дымке три бетонных великана. Как будто и не было их здесь никогда. Улетели, унеслись порывами времени с их плоских этажей чьи-то сомнения, споры, любовь, ожидания, отрезвления, восторг. Осели в далеких странах молоденькие, стянутые поясками белых халатов докторицы и уважаемые врачебные мэтры в высоких крахмальных колпаках. Израиль, Канада, Германия, США теперь берегут их сны. Многие, увы, уже уснули там навечно.

Но Куяльник их помнит. Чит. Ведь каждый из них здесь оставил драгоценную частичку своей души.

Евгений ВОЛОКИН

И мальчики с рыбинами в глазах

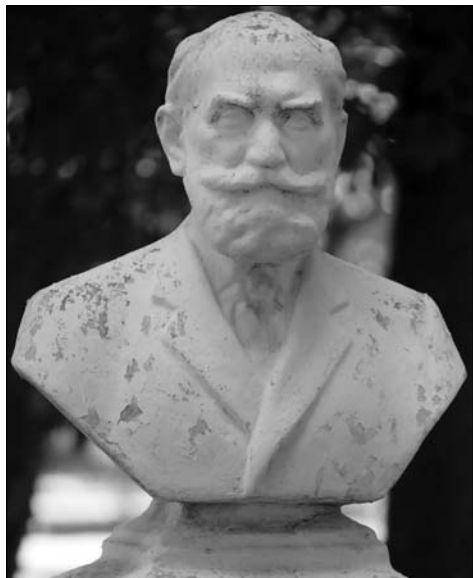
Илл. 1. Фото В. Пульвера, 1950-е гг.

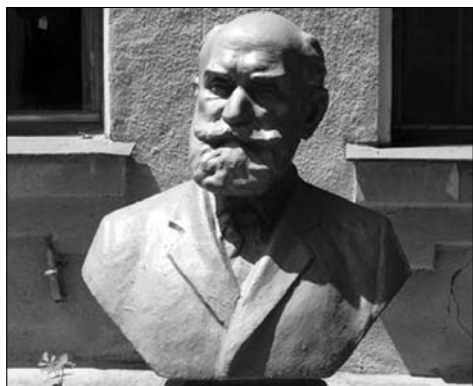
Илл. 2. Фото А. Якимчука, март 2013 г.

Илл. 3. Фото В.П. Львовского, середина 1960-х гг.

Илл. 4. Фото В. Тенякова, июнь 2015 г.

Илл. 5. Фото В. Тенякова, июль 2015 г.

Илл. 6. Фото М. Рыжака и О. Малаховского, 1955 г.

В городе должно быть много красивого. Чем больше, тем лучше.

Пользователям Лермонтовского курорта с 20-х годов ласкает взор полуобнаженная мраморная «Купальщица». Точно такая же скульптура «Купальщицы» встречает посетителей на входе в областной противотуберкулезный диспансер.

Львы из Старосенного сквера (скульптор И. Мормоне) повторены в уменьшенном виде во львах, установленных возле Воронцовского дворца.

Гипсовые копии бронзовых льва и львицы из Городского сада (скульптор О. Казн) сохраняются в санаториях «Одесса» (бывшем им. Дзержинского) и имени Горького. Старые фотографии санатория им. Чкалова показывают, что эти львы в гипсовом варианте когда-то были установлены и там (иллюстрация 1).

В санатории им. Чкалова находилась и «Дружба народов» — скульптурная композиция, еще года три назад неспешно разрушавшаяся в парке санатория (илл. 2). В других районах города эта скульптура когда-то тоже присутствовала: в парке им. Шевченко она стояла на участке, который сегодня занимает «Лунапарк». На Николаевской дороге «Дружбу народов» установили неподалеку от «Украинского Артека» (так раньше назывался детский центр «Молодая гвардия») (илл. 3). И уменьшенный вариант этой скульптуры был в ночном санатории джутовой фабрики.

Тут перечислены только те места, на которых скульптура попала на фотоснимки, собранные Интернет-проектом «Старая Одесса в фотографиях». Сколько всего «Дружбы народов» было в нашем городе, навряд ли кто скажет. Это в белорусском Витебске копию скульптуры бережно хранят по сей день. В Одессе же ее за произведение искусства не держали. Как не считались памятниками культуры десятки иных гипсовых статуй, которые были созданы, чтобы делать одесситам красиво.

Заказы на красоту в 50-х годах прошлого века принимали в доме № 20 по улице К. Либкнехта: в конторе художественно-скульптурных мастерских одесского отделения Художфонда СССР. Заказов было много. В печатной прессе того времени с гордостью писали, что передовая бригада лепщиков и формовщиков во главе с товарищем Бреевым еле справлялась, тиражируя композиции «Юность мира» и «Школьницы», статуи «Футболист с цветами» и «Девушка-спортсменка с кубком». Авторами этих шедевров являлись киевские скульпторы. Местным скульпторам работы тоже хватало. Заметка в газете «Большевистское знамя» в июне 1950 года сообщала:

«Одесские скульпторы создают ряд новых работ, предназначенных для санаториев, парков, стадионов и домов отдыха. Л. Кутепова создала скульптуру «Пионерка», а Т. Стась — «Юный натуралист». Эти произведения выпускаются одесскими художественно-скульптурными мастерскими в массовом количестве.

Интересную скульптуру «Физкультурница на финише» для водных станций выполняет А. Чубин. Над бюстом академика И. Павлова работает Ф. Чувакин.

Заказы на изготовление скульптур поступают также из Крыма, Молдавской ССР, Донбасса и других мест нашей страны».

В Одессе бюст академика Павлова стоит на постаменте в Лермонтовском санатории (илл. 4). Точно такой же Павлов сохранился и на территории санатория «Аркадия», что на Французском бульваре (илл. 5). Другие произведения время не сберегло. Даже «Девушки с веслом» в городе не осталось. Хотя была эта статуя популярна чрезвычайно: устанавливали ее и на Ланжероне, и в санатории «Приморье» (илл. 6), и на склонах у пляжа «Чайка», что на 10-й станции Фонтана... Вылепленная в 1950-м одесским скульптором П. Вильчинским (на самом деле скульптор повторил чужую работу 15-летней давности), эта статуя годами успешно тиражировалась. В 1954 году газета «Знамя коммунизма» информировала читателей:

«Среди работ одесских скульпторов видное место занимают скульптуры на спортивные и физкультурные темы. За последние три года одесские мастерские украинского отделения Художественного фонда СССР изготовили 200 таких скульптур. Они установлены

в парках, на стадионах и водных станциях не только Одессы, но и многих городов Крыма, Донбасса, Молдавии. Большой популярностью пользуются скульптуры, посвященные темам водного спорта: «Гребец» А. Кириенко, «Девушка с веслом» П. Вильчинского...».

Проект «Старая Одесса в фотографиях» на сегодня располагает тремя изображениями мест, где была установлена знаменитая скульптура, еще об одном точно известно. Но сколько всего одинаковых или почти одинаковых, статуй могло быть установлено в одном отдельно взятом городе? Пять, десять?..

Восемьдесят четыре. К 1987 году в Одессе состояло на учете 84 памятника вождю мирового пролетариата. Несправедливо будет подозревать их всех в однотипности. Монумент перед зданием обкома партии, который в 1967 году изваяли отец и сын Манизеры, сохранил художественную ценность до сих пор. Работа мастера-литейщика М. Федотова, сотоварищи установившего в 1926 году на территории завода Марти первый памятник Ленину, напоминала паука и любопытна исторически. Седые лениноведы припомнят, возможно, еще несколько скульптур, выделяющихся «лицом необщим выраженьем» из общей массы растрепанных в Одессе Ильичей: или в полный рост с протянутой куда-то (вариант — придерживающей лацкан пиджака) рукой, или бюст...

Количество этих памятников известно, так как все статуи партийных и советских деятелей, в отличие от иных гипсовых садово-парковых скульптур, подлежали учету. Их заносили в регулярно обновляемый «Сводный список памятников истории и культуры Одессы», согласно которому, например, в центре города, в Жовтневом районе, было всего 5 памятников Ленину. Зато в Киевском их разместились аж 23: статуи закупали расположенные тут многочисленные санатории, профилактории и пионерлагеря (илл. 7).

Однако больше всего для создания красоты в Одессе тиражировали не гипсовых исполнов партийно-советской и спортивно-физкультурной тематики, а голеньких мальчиков с большой рыбиной в руках. В зависимости от фантазии (вариаций этой скульптуры существовало несколько) можно было или просто водрузить ее на постамент (илл. 8), или, используя имеющиеся в мальчиках отверстия, собрать из фигурок шикарный фонтан. В санаториях им. Горького и «Одесса» (им. Дзержинского) такие фонтаны сохранились. Когда-то они были совершенно одинаковыми: четыре мальчика с рыбами стояли по краям композиции, которую венчала обнаженная девушка. В санатории Дзержинского (илл. 9), где сотрудникам КГБ смотреть на голых гипсовых женщин не возбранялось, девушку на фонтане сохранили. В санатории им. Горького, являвшемся базовой здравницей учителей, обнаженную девушку с фонтана прибрали, заменив ее все тем же гипсовым малышом, ставшим пятым в композиции (илл. 10). Сколько же всего было выпущено таких мальчиков, в каких еще фонтанах они использовались, разумеется, неизвестно.

Как неясно и точное число одних из самых знаменитых одесских скульптур послевоенного периода. В 1952 году газеты писали о том, что «группа скульпторов в составе М.М. Кутеповой, А.О. Гриншпуна, П.Т. Вильчинского, А.Е. Чубина и Ф.Ф. Чувакина приступила к работе над скульптурными статуями «Рабочий» и «Колхозница». Статуи будут установлены в нишах на Театральной площади». В это же время в другой заметке читателям сообщали об изготовлении статуй «Рабочий» и «Колхозница» для селекционно-генетического института (илл. 11). Примечательно, что скульптуры, упоминавшиеся в разных публикациях, были совершенно одинаковы не только по названию, но и внешне.

В итоге рабочий с колхозницей благополучно обосновались на Театральной площади, и в селекционном институте. Но не факт, что не существует еще нескольких копий этих статуй, установленных... да где угодно. Ведь красивого должно было быть много. И копировать красивое совсем не сложно. О художественной ценности речь не идет...

Иллюстрации Интернет-проекта «Старая Одесса в фото»: OLD.ODESSA.UA.

Илл. 8. Скульптура в санатории «Шосстрой».

Илл. 9. Фото В. Тенякова, декабрь 2015 г.

Илл. 10. Фотография 1956 г.

Илл. 11. Скульптура «Колхозница», изготовленная для селекционно-генетического института, в мастерской. Скульптор П.Т. Вильчанский. 1952 г.

Илл. 7. Одинаковые памятники Ленину в доме отдыха «Ударник» (1962 г.) и в санатории «Солнечный» (1976 г.).

Валерий ХАИТ Георгий Голубенко: начало

Я познакомился с Георгием (Гариком) Голубенко в 1971 году. Он пришел в одесскую команду КВН, которую я возглавлял (к тому времени уже в качестве не капитана, а художественного руководителя), выступавшую в сезоне 1971/72 годов. Как вскоре выяснилось, в ту эпоху — последнего. Кто-то — не помню — мне Гарика порекомендовал, как капитана команды КВН Одесской консерватории. И, кроме того, я видел как-то в одесской "консе" капустник, где мне очень понравилась сцена с участием Василия Ивановича Чапаева и Петьки. Роль Чапаева, помню, играл ректор — Василий Иванович Шип. Что придавало происходящему дополнительный, неожиданный для советских времен, шарм.

Я спросил, кто придумал сцену, мне показали на Гарика.

С тех пор до дня его безвременного ухода мы были близкими друзьями и лет примерно 30 — соавторами.

Что меня в нем тогда поразило?

Гарик замечательно говорил. Ирония пронизывала любую произнесенную им фразу. Я его слушал, если так можно выразиться, во все уши. Причем его речь отличала не только ирония, но и безукоризненная логика. Я почему-то сразу подумал, что он мог бы быть блестящим адвокатом.

Что, кстати, вскоре подтвердил случай.

Мы, помню, готовились к очередной встрече КВН в летнем лагере Одесского политехнического института. И вели себя соответствующим образом — веселились и радовались жизни на всю катушку. Тем более что этому способствовало молодое вино, в изобилии продававшееся в окрестностях лагеря. Что, нетрудно догадаться, не очень нравилось "лагерному" начальству. Помню даже, что после какого-то слишком шумного и не вписывавшегося в правила "студенческого общежития" нашего веселья было даже назначено общее собрание команды, на котором комендант лагеря произнес обвинительную речь, что, мол, настоящие студенты и комсомольцы так себя не ведут и что он будет жаловаться ректору и в обком комсомола. Мы пытались что-то вяло возражать, но тут слово взял Гарик Голубенко. Он в пять минут не только разбил все аргументы коменданта, но и, как говорил Бабель, буквально "убил его иронией".

Сейчас я уже не помню, что тогда сказал Гарик, но то, что речь его была логически безукоризненной и афористичной — это я запомнил до сих пор.

Словом, я влюбился в Гарика.

Нужно сказать, что в одесской авторской и в этом сезоне была отличная авторская группа. Это ставший к тому времени капитаном Юра Макаров. Плюс Леня Сущенко, Боря Зильберман, Марк Водовозов, Олег Сташкевич, Игорь Кнеллер, другие... Гарик Голубенко своим присутствием значительно усилил эту уже проверенную в боях команду. Я даже скажу, что с его приходом тексты команды кроме типичной кавээновской парадоксаль-

ности и модного тогда тяготения к абстрактному юмору стали приобретать черты литературности. Они стали звучать афористично. Он строил фразы естественно и гармонично, как это бывает у писателей. Думаю, что роль в этой его склонности к гармонии сыграло и то, что он учился в Одесской консерватории (по классу скрипки). Законы музыки, основанные, прежде всего, на гармонии, дисциплинировали его речь, задавали оптимальную точность интонаций. А если к этому добавить присущее ему от природы блестящее чувство юмора, то мы, возможно, и сможем объяснить корни его проявившегося со временем выдающегося литературного таланта...

В качестве примера умения Гарика Голубенко выстраивать невероятные иронические и при этом литературные конструкции приведу начало одного из кавээновских текстов одесской команды на тему кино.

Как бы эпиграф к нему.

Учите, что в каждом кинотеатре свои порядки.

В панорамных кинотеатрах, например, зрителям первого ряда разрешается участвовать в боевых действиях. На стороне наших...

Помните, что интереснее всего побывать на премьере фильма. Только на премьере можно познакомиться с режиссером и увидеть, что он самый обыкновенный человек. А никакой не режиссер.

Хороший фильм или плохой — можно узнать по афише.

Если на афише человек с пистолетом душит женщину — значит, фильм хороший, а человек плохой.

Если на афише женщина душит человека с пистолетом — значит, фильм хороший, а пистолет плохой.

И если, наконец, на афише женщина с пистолетом душит человека — значит, фильм плохой, женщина плохая, пистолет плохой.

Главное, чтобы человек был хороший.

Когда в 1972 году после очередной победы одесситов КВН на Центральном телевидении закрыли, Гарик был одним из тех, кто придумал в Одессе Юморину. А когда в 1976 году и Юморину закрыли, именно Гарик предложил мне и Лёне Сущенко писать пьесу. Через два года она была написана. Называлась она "Старые дома" и была впервые поставлена в Свердловском театре музыкальной комедии в 1978 году. И лишь в 1979-м — в Одессе.

С нее, по сути, и началась настоящая литературная биография Георгия Голубенко — комедиографа, сценариста, уникального мастера "новых одесских рассказов". И практически во всем, что он писал, был юмор самой высокой пробы: афористичный, парадоксальный, по-настоящему одесский...

Предлагаю вниманию читателей несколько миниатюр и импровизаций Гарика, которые я успел за ним записать...

Так говорил Голубенко...

Как бы из монолога старого одесского конферансье:

— Ну, что вы не смеетесь?.. А, старая шутка?! Что ж, значит, вы интеллигентные люди. Вы понимаете, что над старостью нельзя смеяться, старость надо уважать!..

— О, он известный художник. Продолжайте дела Айвазовского на суше...

Кто-то сказал, что из Америки в Одессу едет священнослужитель, по основной профессии — дантист.

Гарик Голубенко тут же:

— Ага, значит, он не только заговаривает зубы, но и лечит.

Когда лет сорок назад в Одессе построили новый театр оперетты, Голубенко сказал:

— Если справедливо утверждение, что архитектура — это застывшая музыка, то наш новый театр представляет собой настоящую музыкальную комедию.

Вспомнил фразу Гарика Голубенко, произнесенную им после посещения театра Советской Армии в Москве:

— Зритель спит — служба идет.

Известно, что краткость — сестра таланта. О самом же таланте ничего не известно...

Знакомая — своему мужу:

— Вот я слушаю тебя и удивляюсь. Ты говоришь, как опытный руководитель.

Гарик Голубенко тут же:

— Ему бы еще опытных подчиненных...

Гарик Голубенко, комментируя одно из новых киевских назначений:

— Нет, я все-таки не понимаю, зачем снимать руководителя, который украл пять миллионов, и ставить на его место молодого, полного энтузиазма?..

Помнится, в далеких семидесятых руководство города решило восстановить облик знаменитой одесской улицы Пушкинской в первоизданном, так сказать, виде.

Были найдены чертежи, цветовые развертки кварталов — словом, все, что для этого необходимо.

За несколько месяцев фасады всех домов отремонтировали и перекрасили. И вот идем мы как-то по Пушкинской с Гариком Голубенко, любимемся всем этим, а он и говорит:

— Вот красота! Это ж какое нам потомки спасибо скажут!.. Господи, только бы дождь не пошел!..

Мы листаем этот журнал и, наконец, натываемся на совершенно изумительный документ: факс, который сотрудник агентства, работающий в Украине и принимающий там группы туристов с Брайтона, прислал в нью-йоркский офис. Факс этого следующего содержания: «Что касается культурной программы в Житомире, можем предложить поездку в Бердичев».

Георгий ГОЛУБЕНКО Записки на чем попало

Яша Левинзон, живущий в Израиле, часто приезжает в Одессу на съемки и привозит мне чай без кофеина. У нас почему-то такого нет. Недавно звонит по телефону: "Как живете?" — спрашивает. "Хорошо, — говорю, — живем. Вот только воду почему-то нам отключили. Третий день уже нет". "Ничего, — успокаивает меня Яша. — Заварку я же тебе из Израиля уже привозил? Так теперь буду привозить еще и кипяток".

Житель города Уступинск, десять лет не встававший с инвалидного кресла, был привезен разбогатевшими родственниками на лечение в Израиль. Местные хирурги сделали ему уникальную, может быть, единственную в своем роде операцию — и чудо произошло. Больной начал ходить! Сначала с двумя палочками, потом — с одной, а потом и вообще без помощи посторонних предметов. Затем он несколько недель путешествовал по Израилу, осматривал достопримечательности. Чувствовал себя прекрасно. И только в последний вечер перед отлетом на родину слегка простудился, прогуливаясь по тель-авивской набережной.

"Ну как тебе наша страна?" — гордо спросили его израильтяне перед посадкой в самолет. "Страна как страна, — отвечал гость, сморкаясь в подаренный ему носовой платок. — Бывают, наверно, и покрасивше. А вот медицина у вас точно хреновая. Приехал больной — и уезжаю больной!"

Хозяйка небольшой туристической фирмы в Нью-Йорке, бывшая одесситка, показывает нам журнал, в который уже много лет записывает свои разговоры с клиентами, тоже бывшими одесситами. Клиент: "Скажите, пожалуйста, сколько стоит в вашем круизе каюта с окном?" "Четыреста долларов". "А без окна?" "Двести". "А нельзя заплатить как за без окна, но чтоб было с окном?" "Нет". "А если я скажу, что не буду им пользоваться?"

Клиентка (по телефону): "Скажите, пожалуйста, ему шесть лет. Он может лететь один в Тель-Авив?" "Нет, конечно!" "А почему?" "Сами подумайте: ну как же это вы сможете отпустить шестилетнего ребенка одного лететь через океан?.. Какая же вы после этого мать?!" "Э... Э... Минуточку, уважаемая! Кто вам сказал, что я его мать? И вообще: при чем здесь ребенок? Это собака!"

Хозяйка агентства (пытаясь разобраться с документами глубоко престарелой посетительницы): "Я что-то не понимаю, уважаемая: паспорт у вас на одну фамилию, анкету вы заполнили на другую, подписываетесь третьей..." Старушка: "А что же тут непонятного? Просто у меня было много мужей. Подписываюсь я фамилией последнего мужа, анкету заполнила на фамилию предпоследнего, а в паспорте у меня фамилия, по-моему, одного из первых..." Хозяйка: "Ну хорошо. Допустим. А билет-то вам на какую фамилию выписывать?" "Выписывайте на девичью". "А девичья у вас какая?" И та у нее спрашивает: "Сейчас?"

"Как ты невнимателен ко мне! — говорит жена. — Когда я болею, никогда не подашь мне стакан воды. Когда я здорова, никогда не подаешь мне пальто и не открываешь передо мной входную дверь". "Ты несправедлива! Я все это делаю", — отвечает муж. "Да, но только наоборот. Когда я здорова, ты подаешь мне стакан воды. А когда я болею, сразу же подаешь мне пальто и открываешь передо мной входную дверь..."

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.